

Вокруг Света

КЛИМЕНТ ТИМИРЯЗЕВ

А. О-й.

— Да, Робеспьер, это замечательный человек!

Собеседники умолкли. Говорили о героях великой французской революции.

— А какую карьеру готовите вы своим сыновьям?

— Какую карьеру? А вот какую: сошью я пять синих блуз, как у французских рабочих, возьму пять ружей и пойдем с другими на Зимний дворец!

Говоривший встал с кресла и зашагал по кабинету. Это был отец будущего великого ученого Клементия Аркадьевича Тимирязева.

В 1771 году английский химик Джозеф Пристлей проделал такой опыт: он взял два стеклянных колпака и посадил по ним живых мышей. Под одним из колпаков было посажено небольшое растение. Через несколько дней мышь под колпаком без растения задохнулась. Другая под колпаком с растением чувствовала себя превосходно.

— Животные своим дыханием поглотят воздух, растение его исправляет! — заявил ученый.

В 1800 году Жан Сенебье, а в 1804 и Сессер подтвердили высказанную еще в 1786 году мысль Лавуазье, что углекислота — главная пища растений, что она разлагается в листьях под влиянием солнечных лучей. А еще через несколько лет Буссенго установил физико-химические процессы этого явления и количественные соотношения между разлагающейся углекислотой и выделяемым кислородом.

В 1868 году молодой ученый Клементий Аркадьевич Тимирязев сконструировал прибор для разложения углекислоты и поставил себе задачей выяснить физические и химические процессы, происходящие в листке растения, определить составные части солнечного луча, проследить участь луча в растении до его полного превращения во внутреннюю работу и установить соотношение между действующей силой луча и произведенной им работой.

Эту задачу ученый блестяще разрешил в течение своей

долгой и богатой научными результатами жизни. Его имя стало почетным именем для мировой науки. Однако на ро-

Клементий Аркадьевич Тимирязев

дине Тимирязев до самой Октябрьской революции оставался за порогом Академии наук.

Царская Россия ненавидела гениального ученого, который острой научной мыслью изгнал из естествознания мистику и всякие метафизические «теории» о «жизненной силе» и о том, что непонятное в природе обязано «законам чувствующей души». Тимирязев был первым и настойчивым популяризатором в России учения Дарвина, подрывавшего в конце библейскую легенду о происхождении мира. Книга Тимирязева «Чарльз Дарвин и его учение» была лучшей из всех популярных научных работ, посвященных дарвинизму.

Реакционер князь Мещерский в газете «Гражданин» писал: «Профессор Петровской академии Тимирязев на казенный счет изгоняет бога из природы». И министр Островский отстранил от работы в Петровской академии признанного всем миром ученого Тимирязева. Ученого это не удивило. Он говорил:

«Все силы мрака ополчились против двух сил, которым принадлежит будущее: в области мысли — против науки, в жизни — против социализма».

Тимирязев не был кабинетным ученым. Его научная работа была проникнута «стремлением к более равномерному распределению плодов знания между тружениками мысли и тружениками мышц».

«Наука должна сойти со своего старого пьедестала и заговорить языком народа, а, т. е. п. популярно», — говорил он.

В 1896 году на Всероссийской выставке вообще в внимание привлекла опытная теплица для вегетационных опытов. Это была первая в России, организованная Тимирязевым опытная станция, где показывались приемы возведения растений, начиная с проращивания семян.

Около гречихи «сам-300» и огромного свса толпалась несколько погавших на выставку крестьян. Они были поражены и переговаривались шопотом. Один из них несмело подошел к давшему обещания профессору Понятскому и, отведя его в сторону, тайно спросил:

— А какие это ты брал семена?

— Обыкновенные семена, из земского склада, — пояснил профессор.

Крестьянин задумался. Затем махнул рукой.

— Нет, уж ты мне пустяки не рассказывай! Не настоящий это у тебя овес! Такого и быть не может на свете! Овес этот твой — фокусный!

Другой крестьянин уже давно стоял перед огромной, в сажень с лишним ростом курурузой. Она находилась у банки с водой, в которую была брошена щепотка удобрительных солей. Крестьянин уже прослушал объяснение.

— Так значит не в земле сила-то, а в этих самых породах? — недоуменно оглядывался он кругом. — Поди ж ты! Вот бы нам их раздобыть как-нибудь для нашего суглинка! Невиданное дело, какая в них сила!

Так пытался ученый Тимирязев повернуть науку к «русскому суглинку». Он был идейным вдохновителем русской физиологической школы научного земледелия. В 1872 году в Петровской академии он организовал первую в России и вторую в мире опытную станцию для изучения питания растений, вегетационную стан-

цию и первое в России опытное поле.

Но Тимирязев понимал, что в условиях капиталистической России не может быть союза науки и труда. Капитализм — это «царство золота и лжи, железа и крови». Поэтому он так ненавидел этот старый капиталистический мир. «Революция должна наконец положить предел безудержной оргии капитализма, милитаризма и клерикализма», — говорил он. И во время тяжелого 1919 года в своем «открытом письме членам Московского Совета» призывал: «Все мы, стар и млад, трудящиеся мыши и трудящиеся мыслы, должны сомкнуться в общую армию труда, чтобы обить ся дальнейших плодов этого б-да».

Рабочие вагонных мастерских Курской железной дороги гордились своим избранником — членом Московского Совета, ученым-коммунистом Кл. Арк. Тимирязевым. Бесконечные заседания, горячие речи, рефераты, статьи заполняли все последние дни великого ученого.

Весною 1920 г. Тимирязев простудился и заболел воспалением легких. С постели он уже не встал. За несколько минут до смерти он позвал к себе доктора-коммуниста:

— Я всегда старался служить человечеству и рад, что в эти серьезные для меня минуты вижу вас, представителя той партии, которая действительно служит человечеству.

... Большевики, проводящие ленинизм, я верю и убежден, работают на счастье народа и приведут его к счастью.

... Я всегда был ваш и с вами.

... Передайте Владимиру Ильичу мое восхищение его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и на деле. Я считаю за счастье быть его современником и свидетелем его славною деятельности. Я преклоняюсь перед ним и хочу, чтобы об этом все знали...

С такими последними словами 28 апреля 1920 года, на 77 году своей жизни, умер величайший ученый последнего столетия, гениальный провозвестник союза науки и труда — Клементий Аркадьевич Тимирязев.

Адрес редакции: Ленинград, 2, Фонтанка, 57. Тел. № 175-88. Личный прием — с 1 до 3 ч. кроме 5, 10, 15, 20, 25 и 30 чисел.

По всем вопросам, связанным с подпиской и распространением журнала, подписчики должны обращаться в Ленинградское областное издательство: Ленинград, 2, Чернышев пер., 18, Отдел распространения.

Рукописи, посылаемые в редакцию, должны быть напечатаны на машинке или четко переписаны чернилами, снабжены подробным адресом и подписью автора. Неприятые рукописи размером меньше одного печатного листа не возвращаются. В случае надобности рукописи подлежат исправлению и сокращению. Перепечатка из «Вокруг света» без указания источника воспрещается.

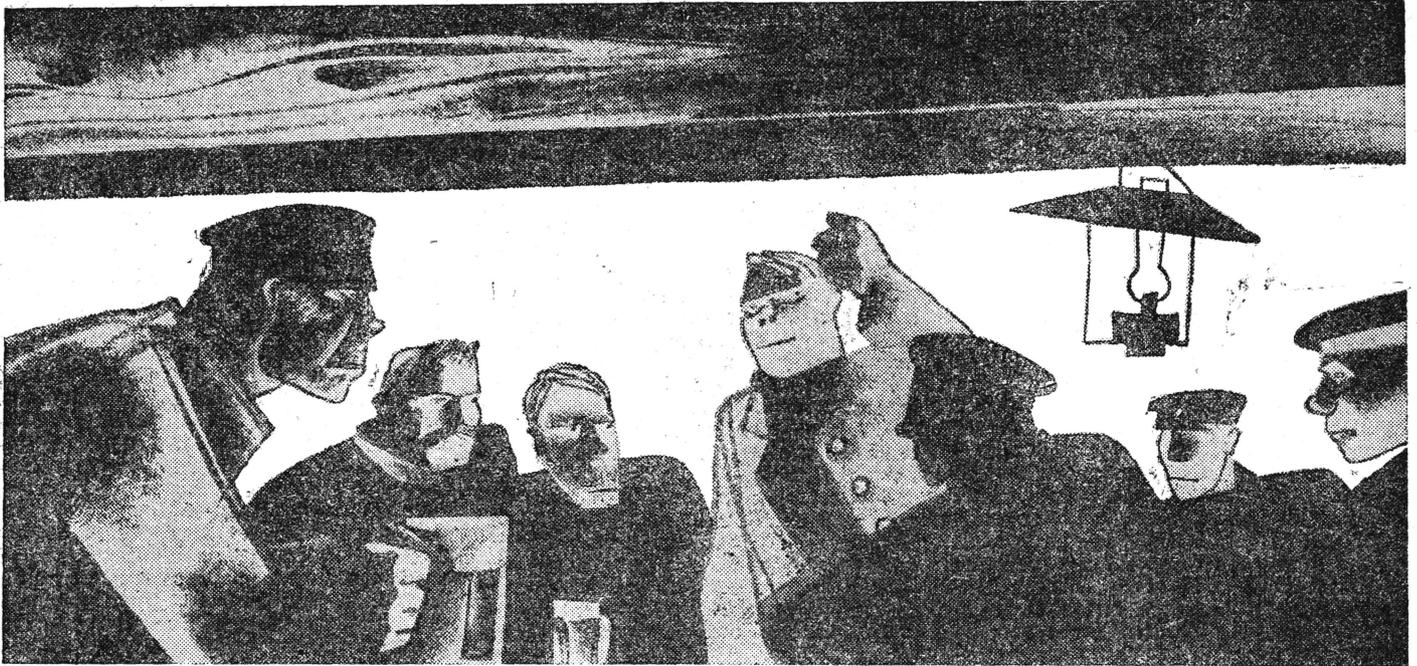
Вокруг Света № 13 10 мая 1931 г.

ЖУРНАЛ СЮЖЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ПУТЕШЕСТВИЙ И ОТКРЫТИЙ

Орган ЦК и Ленобкома ВЛКСМ • Издательство „Молодая гвардия“.
Адрес редакции: Ленинград, 2, Фонтанка, 67, телефон № 175-39.

СОДЕРЖАНИЕ

Ари. Поневежский — В среду. В. Жунов — Пожар в трюме.
С. Ешелин — Воздушные трассы. Э. Финн — На заброшенной станции. Н. Константинов — Чужая родина. Ф. Львович — В действии. П. М. Устинович — Бойман Бегичев. Последняя экспедиция Бегичева. А. Бобырев — Случай из практики. Евг. Бывалов (Зюйд-Вест) — Командорские острова (окончание). Рис. на обложке (к рассказу „На заброшенной станции“) худож. Н. Мочергина.

Лейтенанта рвало страсбургским пирогом и отборной руганью. Лейтенант лежал поперец койки лицом вниз, бессильно свесив руки на пол. Он корчился, стонал и призывал в помощь денщика. Всего лишь несколько минут назад он сам уснул своего денщика за нашатырным спиртом к приятелю. Лейтенант уже успел об этом забыть.

— Отто, Отто, куда ты пропал, животное? Отто, да придешь ли ты наконец, паршивая собака?

Лейтенант ругался долго, пока не уснул. Денщик наконец вернулся и притащил огромную бутылку нашатырного спирта. Найдя лейтенанта спящим, он не знал, что ему делать — будить или оставить его спать. Поразмыслив немного, Отто все же решил разбудить своего господина. Он несколько раз тронул его осторожно за плечо, лейтенант не проснулся. Тогда Отто стал тормошить. Пьяный лейтенант глаз не открывал, но опять принялся ругаться.

— Я тебе покажу, тварь ты этакая, — бормотал лейтенант, — я тебя жду уже несколько часов. Когда ты вернешься, я прикажу тебя поколотить, мерзавец, эльзасская дрянь... — И снова захрапел. Комната наполнилась запахом винного перегара. Отто постоял еще немного около койки, на которой развалился пьяный лейтенант, хотел было снова пробовать его будить, но потом раздумав махнул рукой и стал убирать комнату.

Часы показывали уже четыре с половиной. В открытое окно просачивался рассвет. Потянуло холодком. Однако Отто было очень жарко, — он про-

В СРЕДУ

Ари. Поневежский

Рис. Б. Нечаева

бежал что было мочи полтора километра к приятелю своего лейтенанта за нашатырным спиртом. Лейтенант Шольц спал и очень рассердился, когда узнал, что его разбудили из-за такого пустяка. Но все-таки разыскал целую бутылку и приказал Отто бежать скорее обратно. Теперь Отто решил отдохнуть. Он не торопясь подбирал разбросанную по комнате одежду лейтенанта, вытряхивал ее перед окном и складывал на кресло. Когда в комнате был водворен некоторый порядок, Отто посмотрел на часы.

— Эге, — протянул он. — Уже пять часов! Будить господина лейтенанта нужно через полчаса. Значит ложиться не стоит. Посмотрю-ка я, что это мне давеча сунул Бруно.

Отто вытащил из сапога сложенный в несколько раз газетный лист и вслух прочел: «Солдат рейхсвера». Этого он не ожидал. Быстрым движением сунул он газету обратно в сапог, закрыл все три окна и стал прислушиваться. Лейтенант преспокойно храпел. Свистящие и булькающие звуки успокоили Отто. Он уселся поудобнее в кресло, снова вынул помятую газету, разглядел ее и принялся читать.

Увлечшись чтением, он не заметил, как лейтенант сполз совсем на пол и спал теперь, уткнувшись носом в пыль-

ный ковер. Солнце заливало всю комнату. При закрытых наглухо окнах воздух в комнате стал невыносимым. Лейтенант чихнул и открыл глаза.

— Отто!

— Здесь, господин лейтенант! — Отто не успел даже

спрятать газету.

— Почему я на полу, скотина?

— Не могу знать, господин лейтенант!

— Какой мерзавец! Что ты там делаешь?

(Что же ему ответить?) — Читаю, господин лейтенант.

— Что читаешь?

(Влопался! Эх!) — «Солдат рейхсвера», господин лейтенант.

— Что?.. «Солдат рейхсвера»? Коммунистическое издание?

— Так точно, господин лейтенант.

— Поди-ка сюда. Где же ты достал эту газету, животное? Отвечай немедленно.

(Секунда, вторая, третья, чет...) — Она выпала из кармана ваших брюк, господин лейтенант.

Присяга новых частей обставлялась всегда очень торжественно. Обычно присяга совершалась в июне, когда части выводились в хорошо оборудованные учебными полями и стрельбищами лагерь.

Сегодня присагала новая пехотная рота. С октября по март солдаты этой роты прошли одиночную и специальную подготовку, в мае они были заняты тактической подготовкой. Тогда же была скомплектована рота. Именно

тогда же в этой новой роте произошел неприятный казус. Кто-то донес в штаб батальона, что среди новичков пользуется популярностью коммунистическая газета «Солдат рейхсвера». Был произведен обыск и крамольное издание обнаружили у семи человек. С того дня рота считается уже неблагополучной. Майор Штидрих получил приказ поторопиться с присягой. Поэтому «неблагополучная» рота присягала за две недели до окончания лагерного периода.

Майор оглядывает роту. Всматривается в лица первой шеренги. Он нервно теревит седые усы.

— После присяги нужно прочесть текст недавно изданного приказа. Вы слышите, Бартунг?

— Слушаю-с, господин майор!

У лейтенанта зверски трещит голова. Он совсем не высался. К тому же эта дурацкая история с коммунистической газетой... Что же это такое в самом деле? Или это грязное животное Отто врет и хочет вылезть сухим и остаться безнаказанным, или... или кто-то действительно сунул лейтенанту в карман газету. Но кто же и когда?.. Лейтенанту вовсе не до присяги. Солнце печет немилосердно, хочется пить и спать, страшно хочется спать.

Все уже готово для присяги. Рота выстроилась, столик на месте, по обеим сторонам его стоят по четыре связанные винтовки и две пирамидки из барабанов. Слова священника потекли ровно, без интонации и без выделения знаков препинания. Священник читал долго. По лицам солдат бегут струйки теплого и соленого пота. Майор утирает носовым платком влажный затылок. Лейтенант проклинает про себя присягу, священника и вчерашнюю попойку. Жара. Священник читает.

— Слушать приказ!—объявляет лейтенант, когда присяга наконец кончается.

«Ты—жалкий негодяй, если ты за иудино вознаграждение выдаешь военные сведения коммунистическому агенту. Ты совершаешь тогда государственную измену и предаешь свою родину ее величайшему врагу. Солдат никоим образом не освобождается от своего долга верности и своих воинских обязанностей, если чувствует какую-либо обиду или недовольство. Тот, кто отклоняется от должного пути из-за несправедливого отношения к нему начальства, из-за плохой пищи или из-за недостаточного вознаграждения, тем самым совершает тяжкое вероломство. Особенно преступно распространять свое недовольство в кругу товарищей, а тем паче — осведомлять о нем общественность. Если же солдат принимает участие в замыслах, цель которых — насильственное уничтожение или измена конституции, то он тем самым нарушает свою воинскую присягу. За это он наряду с тяжкой карой подлежит удалению из армии. Для клятвенно-преступников в армии места нет».

Затем читается особый приказ о награждениях и поощрительных мерах за раскрытие, донос и прочие заслуги, проявленные в борьбе с проникновением в рейхсвер коммунистической пропаганды. Читая приказ лейтенант хриплым голосом извещает роту, что всякий, кто поможет штабу в борьбе с коммунистами, может получить благодарность перед строем, благодарность в приказе, особый «похвальный лист», золотые часы — «лично от военного министра». (Лейтенант сделал паузу и

взглянул на первую шеренгу — какое впечатление произвели эти слова: «лично от военного министра»). Лейтенант продолжал перечислять. Отличившиеся в этой борьбе солдаты могут получать дополнительный отпуск и продвигаться по службе предпочтительно перед другими.

Солдаты слушали, обливаясь потом. Майор без конца утирал платком мокрый затылок и стереотипным движением головы сбрасывал блестящую на левом глазу слезинку. Лейтенант читал.

В заднюю комнату кабака Теодора Шнейдера имели доступ далеко не все посетители. Шнейдер сам следил за тем, чтобы за стойку проходили только те, кому это было дозволено. В задней комнате собирались коммунисты. Теодор Шнейдер в коммунистической партии не состоял, но с удовольствием читал дома «Красный кавалерист» и «Солдат рейхсвера». Эти газеты ему давали посетители задней комнаты. Теодор Шнейдер в коммунистической партии не состоял, но всякий раз, когда этим посетителям угрожала какая-нибудь опасность, он немедленно их предупреждал.

Кабачок Теодора Шнейдера посещается преимущественно солдатами и офицерами рейхсвера. Но кроме них сюда иногда заходят «штальхельмовцы»*, можно изредка встретить и рабочих. Но последние преимущественно забираются в заднюю комнату. Этим Шнейдер знает очень хорошо. Всех своих посетителей старый Теодор прекрасно изучил. «Штальхельмовцев» он не терпит. Совсем недавно они устроили здесь настоящее побоище с солдатами рейхсвера. Шнейдер встречает их очень неприветливо.

Сегодня исключительно жаркий день, да и вечер очень душный. Кабачок Шнейдера набит битком. Вот старик здоровается за руку с длинноногим Мартином.

— Добрый вечер, Мартин!

— Здравствуй, старче! — И на ухо Шнейдеру: — Много ли наших?

Шнейдер нарочно возится с кружками. Они звенят и заглушают их разговор.

— Там сидят уже человек двенадцать. Спешит, они вероятно ждут тебя.

Задняя комната отличалась от первой только своими размерами. Она меньше и уютнее. По стенам развешаны картинки, изображающие батальон из времен франко-прусской войны — дань постоянным посетителям. Кроме того в задней комнате стоял один большой стол, в отличие от маленьких круглых столиков в первой комнате. В углу была приспособлена деревянная полка, оклеенная белой клеенкой. На эту полку Шнейдер ставил кружки с пивом и всегда немного задерживался здесь, чтобы послушать беседу этих славных парней. Он усиленно пыхтел трубкой и хлопал кого-нибудь по плечу:

— Осторожнее только, осторожнее, не входите ради бога в раж. — И уходил к себе за стойку.

Когда длинноногий вахмистр, которого Шнейдер назвал Мартином, вошел в заднюю комнату, почти все места за столом были уже заняты. Мартин быстрым взглядом окинул присутствующих. У окна сидел унтер-офицер Вилли Файнглих, рядом с ним рядовые сол-

* Члены «Стального шлема».

даты Карл Бем, Жорж Зайдлиц, братья Вольфенау, весельчак Бруно и Людвиг. По другую сторону разместились новички Гроц с Михельсоном и двое рабочих с обувной фабрики. У полки стоял человек, которого Мартин видел впервые.

— Тебя пришлось ждать, Мартин, — сказал Зайдлиц.

— Что поделаеть, товарищи, — служба, вы сами знаете — не всегда удается освободиться, когда тебе хочется.

— Служба — не дружба, — оскалил зубы Бруно.

Начнем, товарищи, время идет, — сказал Жорж Зайдлиц. Когда Мартин устроился у края стола и все успокоилось, Зайдлиц объявил:

— Сначала я предоставлю слово товарищу Брауну. Он из комитета.

... Несколько месяцев назад в Ульме были арестованы три офицера. Сразу после этого события начались аресты в мюнхенском, ингольштадтском и регенбургском гарнизонах. Всех арестованных отправили в Берлин, в Моабитскую тюрьму. Аресты пролили свет на многое, что до сих пор было окутано тайной. Оказалось, что офицеры были связаны с партией национал-социалистов. Оказалось, что в рейхсвере была организация национал-социалистов. Оказалось, что эта организация ставила своей целью свергнуть существующий в Германии строй и объявить военную диктатуру. Оказалось, что одной из своих задач гитлеровцы ставили полное переустройство рейхсвера. Не рейхсвер, а национальная армия, составленная из штурмовых рот национал-социалистов, численностью в 750 тысяч человек. Военный министр генерал Гренер стал спешно издавать приказ за приказом, в которых все призывались бороться с левыми (коммунистическими) и правыми (национал-социалистическими) идеями в рейхсвере. Гренер угрожал, клевил и обещал всем, кто будет способствовать этой борьбе, всякие отличия и подарки.

Национал-социалисты страшно обиделись на военного министра. Они писали про него, ужасно оскорбительные вещи, ругали последними словами и вообще бесились.

— Я прочту вам кусок статьи из мюнхенской «Фолькшпер Беобахтунг», — сказал товарищ Браун, — послушайте, что пишут фашисты про Гренера.

«Конечно от генерала, который дал кайзеру совет отправиться в изгнание, от генерала, который однажды заявил, что присяга есть лишь формальность, мы не можем требовать, чтобы он издавал распоряжения в надлежащем духе».

— Штальхельмовцы поддерживают национал-социалистов, — рассказывал товарищ Браун. — Они поставили вопрос о лишении Гинденбурга звания почетного члена «Стального шлема». Они говорят, что, подписав план Юнга, Гинденбург продался новой буржуазии.

— Ай-ай-ай! — трагично заахал Бруно. — Как же это они бедного старика-то, ай-ай-ай! Нет, вы смотрите какая безумная храбрость у этих молодцов! Лают на чем свет стоит самого министра, поносят Гинденбурга, ай-ай-ай...

Хохот, заключивший шутку Бруно, заставил вбежать сюда Теодора Шнейдера.

— Что вы, что вы, — замахал он на них руками, — что вы, обалдели, что ли?

— Да ведь смеяться-то можно, смеются у тебя и в первой комнате.

— Мы захмелели, Теодор, вот и смеемся,— подмигнул Шнейдеру Бруно.

— Положим, что ты не ошибся. Кружки-то у вас опять пустые,— улыбнулся Шнейдер. Он взял с собой кружки и через несколько минут принес их наполненными. — Как видно, старый хрыч, тебе об этом нужно всякий раз напоминать, — сказал унтер-офицер Файнглих.

— Я, товарищи, рассказал вам все это для того, — продолжал товарищ Браун, — чтобы вы уяснили себе ситуацию. В рейхсвер проникают не только наши идеи и наше влияние. За последнее время усилилась пропаганда национал-социалистов.

Естественно, что и борьба сейчас усилилась на этом фронте. Следят не только за нами, но как следует следят и за гитлеровцами. Все ли вы знаете последний приказ о наградах за раскрытие, донос и прочее?

— Знаем, знаем, — ответило сразу несколько голосов.

— Так вот. В каждом гарнизоне, в каждом полку, в каждой роте найдутся конечно желающие получить повышение, отпуск или золотые часы «лично от военного министра». Нужно быть очень осторожными. Необходимо тщательно конспирироваться и обдумывать каждый шаг, всякую форму и прием пропаганды, чтобы не дать себя раскрыть. Нас ведь пока совсем немного, буквально единицы...

— Кстати, насчет осторожности, — перебил его Карл Бем, — я хотел сегодня в присутствии всех товарищей предупредить Бруно. Вчера он сунул один номер «Солдата рейхсвера» денщику лейтенанта Бартунга. Дело в том, что этот парень еще совсем необработанный, хотя мы с ним иногда и беседовали. К тому же лейтенант держит его в ежовых рукавицах и может заставить назвать имя того, кто дал ему запрещенную газету. Я думаю, надо это Бруно учесть.

Бруно отличался большим темпераментом и необычайной вспыльчивостью. Товарищи неоднократно удерживали его от излишне резких поступков. Бруно с трудом поддавался уговорам, очень обижался и называл всех трусами и каракатицами. Всего лишь на прошлом собрании он получил официальный выговор за несдержанность и беспечность. Но товарищи любили Бруно за честный характер, за прямоту и преданность партии.

— К дьяволу мораль! — вспыхнул Бруно, стукнув кулаком по столу.

— Потихше, товарищ! — остановил его товарищ Браун.

— К дьяволу тишину! — закричал Бруно. — Мне надоела эта мышиная возня.

— Успокойся, Бруно, возьми октавой ниже, бунтарь проклятый, а не то мы тебе забьем глотку кляпом. — Жорж Зайдлиц подошел к Бруно и крепко схватил его за плечи.

— Хорошо, я буду ругаться тихо, — обиделся Бруно. — Вы меня всегда останавливаете, словно я собираюсь броситься в пучину.

— Тебя уволят из рейхсвера, — заметил ему кто-то. — Приказ ты знаешь?

— Ну, и что?

— Дурень, тебя никуда не возьмут на работу, ты околеешь с голода.

— Пусть, — упорствовал Бруно, — Не перебивайте меня. Отто, денщик лейтенанта Бартунга, действительно сырой парень. Потому-то я его избрал. У меня насчет этого парня есть кое-какие мыслишки, которые я вам сегодня еще пока не могу открыть. И если вы меня будете одергивать вся-

Денщик боялся, что лейтенант поймает его за чтением...

кий раз, тогда... — Он обиженно прикусил нижнюю губу.

— Ну, что же тогда? — насмешливо спросил его Зайдлиц.

— Тогда я могу натворить еще больше неприятностей. Вот! — торжественно закончил он.

— Ишь ведь какой! — засмеялся рабочий с обувной фабрики.

— Ладно, действуйте, товарищ, — сказал товарищ Браун, — только будьте все-таки благоразумны.

Полковое ученье продолжалось несколько дней. Те, кто участвовали в этом обучении впервые, порядком намучились и потихоньку ворчали. А намучиться было от чего. Сначала встречный бой, потом оборона и отход, потом подготовка ночью и наступление на рассвете, вслед за этим снова наступление и наконец опять наступление и оборона. Полковое ученье было двухсторонним — совместно с кавалерийским полком.

Когда был объявлен отдых, Бруно разоткровенничался с одним артиллеристом. Они сидели в тени огромного

дуба и курили. Бруно начал ругать начальство.

— Чорт бы их побрал с этим учением, выматывают последние силы, проклятые!

— Кого же ты ругаешь? — осведомился кавалерист.

— Полковое начальство, кого же иначе? Мерзавцы! — сплюнул Бруно.

Кавалерист оглянулся по сторонам и, придвинувшись поближе к Бруно, зашептал:

— Ты чудак, чудак, да и только.

Дело не в полковом начальстве, а в системе, во всей системе рейхсвера. Гляди, братец, поглубже, в корни гляди. Вот если бы взамен рейхсвера национальная армия, тогда бы совсем другое дело. Эх, я бы тебе многое рассказал, да опасно здесь, — услышат еще.

У Бруно заблестели глаза.

— Крой, — беззаботно сказал он, — здесь вблизи нет никого, крой, мне очень интересно послушать.

— Ладно, надеюсь, что ты не побежишь на меня доносить ради золотых часов «лично от военного министра»?

Бруно сделал вид будто оскорбился.

— Плевать я хотел на золотые часы и на самого министра, который уговорил кайзера отправиться в изгнание.

— Так, молодчага, — обрадовался кавалерист. — Из тебя выйдет толк. Следует рассказать тебе про нашу организацию. Ты знаешь что-нибудь о национал-социалистах?

— Знаю только, что они — настоящие парни и славные ребята, — выпалил Бруно. — А больше мне ничего не удалось узнать.

— Напрасно. Ты в какой роте? Ну? Да ведь в этой роте есть несколько человек наших. Ты непременно поведуй с Куртом Файнбахом. Знаешь его? Ну, вот отлично.

Бруно и кавалерист расстались, как старые друзья. Национал-социалист долго тряс руку Бруно и напоминал

относительно Курта Файнбаха. Бруно морщился от боли (кавалерист был дюжим парнем), улыбался и просил не забывать его, Бруно Эззе из такой-то роты, так как он, Бруно Эззе, успел за эти прекрасные полчаса прямо-таки полюбить и кавалериста и его организацию национал-социалистов.

На другой же день Бруно разыскал Курта Файнбаха и шепнул ему:

— Меня к тебе послал кавалерист Кульман. Ночью я приду с тобой поговорить.

Файнбах прищурил глаза:

— Кульман? — тоже шопотом переспросил он. — А ты не путаешь?

— Перестань корчить дурака, — сгрязнулся Бруно. — Я ведь не шпион и не доносчик. Фамилию его отлично помню: Кульман, Адольф Кульман. Он меня и послал к тебе. Ну?

— Хорошо, приходи нынче ночью, — согласился Файнбах.

Ночью Бруно потихоньку пробрался к Файнбаху и объяснил ему, что давно уже хотел вступить в партию национал-социалистов, но не знал, с кем об этом нужно посоветоваться.

Ему удалось убедить осторожного Файнбаха. Бруно узнал о ближайших мероприятиях ротной организации и Файнбах сообщил ему время и место очередной встречи.

— Если ты — предатель и стремишься получить награду, — угрожающе шептал ему на прощание Файнбах, — смотри, тебе не остаться тогда в живых.

— Еще одно оскорбление и я тресну тебя сапогом по любому уху. Понял? Прощай! Значит, до среды.

Вечером на следующий день Бруно был послан к лейтенанту Бартунгу с поручением. Бруно с радостью взялся выполнить это задание (обычно он брюзжал и отправлялся очень неохотно). Он был рад этому случаю, так как уже давно не встречался с денщиком Бартунга — Отто, насчет которого у Бруно были «кое-какие мыслишки».

Лейтенанта он дома не застал, чему тоже очень обрадовался. Он решил до прихода лейтенанта поболтать с Отто. Однако денщик встретил его совсем недружелюбно и очень неохотно вступал в беседу.

— Что ты дуешься-то? — спросил его Бруно.

— Из-за тебя мне влетело прошлый раз, я и не думал, что ты сунешь мне эту крамолу.

— Ну? — удивился Бруно, — и здорово влетело?

— Что же, это совсем неплохо, — ответил улыбаясь Отто, — только не раньше среды.

— Среды? — крикнул Бруно. — Почему среды?

— Да что орешь-то? В среду господин лейтенант уходит на вечер, должно быть опять вернется без задних ног. Так значит я и смогу забежать тогда в кабак.

— Очень хорошо, очень хорошо, очень хорошо-о-о-о! — запел Бруно. — Так ты говоришь — следит за тобой лейтенант?

— Следит, брат, еще раз говорю, здорово следит.

— Значит тебе следует быть осторожным. Я тебя очень прошу итти к Шнейдеру не напрямиком, а через лесок, обходом. Как только минувешь опушку, сворачивай сейчас же влево и иди по третьей лужайке. Когда начнутся сосны, — сверни вправо и иди все время прямо. А там уж легко найти кабак.

— Это для чего же? Или опять ты меня хочешь?..

— Для тебя же стараюсь, — перебил Бруно денщика, — лейтенант-то твой может быть только скажет, что на вечер идет, а сам за тобой станет следить. Вот я к чему и говорю. В лес-то он за тобой не пойдет. А если и пойдет, то собьется с пути.

— Ну, ладно, парень, пусть будет по-твоему, — согласился Отто.

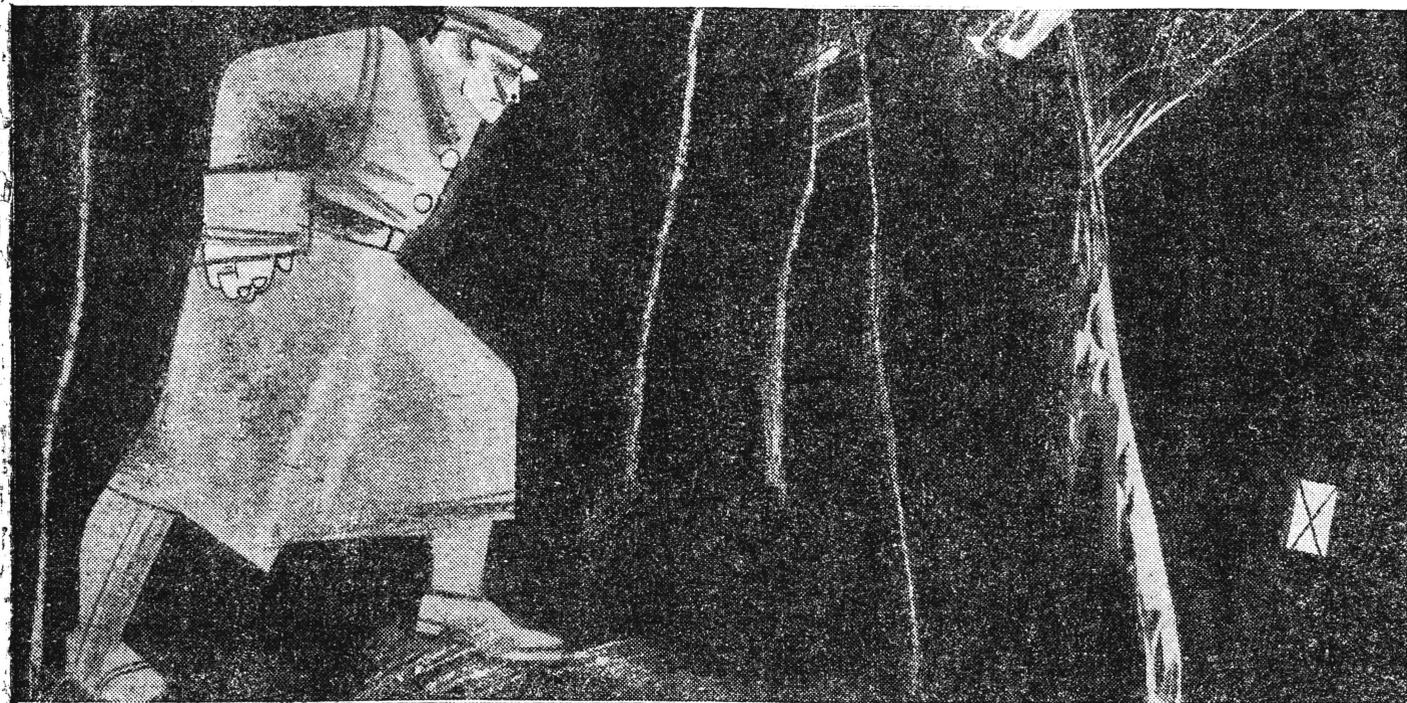
Моя супруга чудесно обходится без трюфелей. Гости восхищались рецептом фрау Бейльс.

После ужина, когда подали ликер, пиво и сигареты, начались воспоминания старых офицеров. Совсем уже дряхлый (в отставке) майор страшно возмущался новыми порядками в армии, при которых солдаты и матросы могут себя вести, как им вздумается. Майор напомнил присутствующим недавно происшедший случай на крейсере «Эмден». Матросы этого крейсера подняли красное знамя и пели «Интернационал». Это было в плавании. Когда крейсер вернулся, офицеры организовали подписку на покупку национального вымпела, чтобы смыть позор с «Эмдена». Ни один матрос не пожертвовал ни одного пфеннига. Офицеры потратились сами, приобрели новый вымпел и вывесили его. Но этому вымпелу пришлось висеть всего одну ночь. На утро оказалось, что матросы сорвали его, выкинули, а взамен повесили ленточку из... туалетной бумаги.

Гости — молодые и старые — возмущались вместе с древним майором.

— Я хочу вам (обращение к молодым) рассказать наши (майор ткнул себя сизым кулачком куда-то между животом и грудью), — наши порядки. Надеюсь, что и старики вспомнят эти отличные времена с удовольствием.

Старики согласились, что вспомнят отличные времена с удовольствием.

Лейтенант следил за мелькавшим среди деревьев фонарем...

— Как следует. Лейтенант с тех пор стал следить за мной.

— Следить стал, говоришь?

— Ого! Чуть ли не в уборную за мной ходит.

— Так, так... — Бруно замолчал и что-то обдумывал. Совершенно неожиданно для него его «мыслишки насчет Отто» складывались в блестящий план. Отто взялся чистить сапоги лейтенанта, а Бруно все обдумывал. Он рисовал себе много вариантов.

— Вот что, дружище, — обратился он к денщику, — не сможем ли мы с тобой встретиться как-нибудь в кабаке старого Шнейдера?

Вечер устраивал ротмистр Динзе. Сегодня предполагался очень интересный (очень демократический) состав гостей: старики-офицеры с большим стажем и молодые — в основном лейтенанты.

Часам к десяти почти все гости были в сборе. За ужином обсуждались кулинарные темы. Капитан Бейльс рассказывал, что его супруга знает исключительный рецепт приготовления паштетов из гусиных печенок.

— А где фрау Бейльс достает трюфели? — заинтересовался старик Монг.

— Помилуйте, — вскричал капитан Бейльс, — никаких трюфелей и не нужно.

— Дело происходило в тысяча девятьсот третьем году. В шестнадцатом Лотарингском (Лотарингия тогда еще была наша), в шестнадцатом Лотарингском обозном батальоне служил в чине подпоручика некий Освальд Фриц фон-дер-Кирбург, сын директора одного среднеучебного заведения в Штейфентале. Так вот этот самый подпоручик Освальд Фриц фон-дер-Кирбург издал книгу. Называлась она «Из жизни маленького гарнизона». Издал он ее под именем «Лейтенант Бильзе».

В своем романе подпоручик вывел под вымышленными именами очень многих офицеров, ротмистра и даже (старичок

ПОЖАР В ТРЮМЕ

В. Жуков

Рис. Г. Фитингофа

ногозначительно поднял палец вверх), даже полковника. При чем вывел очень... очень... ну, одним словом, он скомпрометировал почти весь начальствующий состав батальона, в котором служил сам. Вышел конечно большой скандал. Подпоручика судили в Метце. Процесс продолжался целых три дня. Я сам (крохотный кулачок тычется не то в грудь, не то в живот) присутствовал на нем. Подпоручика осудили на... Что такое? Что случилось? — засуетился старичок.

Действительно что-то случилось. Отсутствовавший на вечере лейтенант Бартунг вбежал только-что в комнату бледный и заметно волновался.

— Простите, господа, потом все объяснится. Мне нужно поговорить с господином ротмистром всего две минуты. Разрешите, господа?

Гости извинили и разрешили. Ротмистр недолго вышел с лейтенантом из гостиной.

— Что такое случилось? Рассказывайте скорее, — торопил ротмистр лейтенанта.

— Я выследил своего денщика, господин ротмистр.

— Ну, а я-то при чем?

— Он коммунист, клянусь вам, я недавно сам отнял у него «Солдата рейхсвера»... Сегодня я проследил за ним... Они собрались в лесу... Совсем близко... Мне нужен небольшой отряд... Разрешите, господин ротмистр?

— Хорошо, я сейчас позвоню. Ступайте.

— Что случилось? — встревоженно спрашивали гости: у возвратившегося ротмистра.

— Пустяки, — успокаивал их ротмистр, — ничего страшного.

Отто отпросился у лейтенанта к земляку. Лейтенант разрешил, а сам отправился вслед за денщиком. Было уже темно и ему легко было прятаться. Забыв про вечер у ротмистра, лейтенант упорно шел за Отто. Отто дошел до опушки, а потом начал кружить так, как его учил Бруно. У лейтенанта заколотилось сердце. «Неужели где-то здесь собираются коммунисты и я нападу...»

Отто свернул еще раз, но фонарь мелькнул в противоположной стороне. Лейтенант остановился. «Этот мерзавец догадывается, что за ним следят, и хочет сбить меня с пути. Но сбор у них наверно именно там, где виден свет фонаря».

Бартунг бросился назад. Он бежал что было сил и не переставал думать о предстоящем повышении. Кто знает, может быть...

Ротмистр приказал по телефону выслать к опушке леса отряд в 40 человек. Лейтенант принял командование. Он вел отряд по той же тропинке, по которой шел всего лишь полчаса назад. Снова мелькнул фонарь.

— Оцепить, — тихо скомандовал лейтенант Бартунг. — Когда я выстрелю, зажигайте фонари и бросайтесь вперед.

Лейтенант полез к мигающему фонарю на животе. Он услышал разговор. «Это они, — подумал лейтенант. — Пора... Дрожащей рукой он поднял револьвер вверх и выстрелил. Сразу же после выстрела потух фонарь на лужайке и зажглось сорок фонарей в руках у солдат. Застигнутая врасплох группа из семнадцати человек не сопротивлялась.

Собрание национал-социалистов, назначенное в среду, было сорвано.

26 августа 1930 г. пароход «Красный профинтерн» закончил выгрузку экспортных грузов в Гамбурге и, приняв около полуторы тысячи тонн импортных, снялся на Роттердам.

При выходе из Эльбы мы встретили густой туман. Около часа простояли на якоре, затем пошли во мглу Немецкого моря. С заходом солнца видимость улучшилась. Шли со скоростью девяти миль в час.

Уже 2 часа ночи. С четырех до восьми моя вахта — старшего помощника. Легкий стук в дверь. В каюту вошел вахтенный матрос. Обветренное лицо его было озабочено.

— Из-под брезента люка бункера (трюм для хранения угля) выходит дым. Повидимому загорелся уголь, — коротко доложил он.

— Доложите капитану! — бросаю я на ходу.

У бункера приподнимаю брезент и одну из деревянных лючин (доски, которыми прикрывают люки). Из отверстия хлынул удушливый запах горящего угля и густые беловатые клубы дыма. Я поспешно закрыл брезент.

Угля на пароходе было свыше 800 тонн — на весь переход до портов Черного моря. Большой угольный бункер был забит углем доверху. Очевидно произошло самовозгорание угля. Процесс этот протекает медленно.

Потушить такой пожар быстро невозможно.

Я бросился к трюму № 2. Там находилось сто пятьдесят тонн спичек. Если уголь загорелся со стороны котельного отделения, то до переборки трюма было еще около 15 метров. Прогреться и прогореть такая толща угля могла не менее чем в 5—6 часов.

Наспех откинув угол брезентов с комингса (рама люка) № 2 и отвернув лючину, я отшатнулся: из трюма повалил густой дым.

— Бить пожарную тревогу!.

Вахтенный бросился к колоколу. Сбежались люди. Закопали деревянные колодки кочегаров. Загremели гайки приворачиваемых к пожарной магистрали шлангов.

— Пожар у бункера! Пожар у трюма № 2! Пожарную донку на палубу — полным ходом! — Через две минуты мощные струи воды забили из четырех пожарных шлангов.

— Приготовить люстру! Пожарную маску! Завернуть брезенты на поллюка! Открыть четыре лючины!

Люди выполняют работу с четкостью автоматов.

— Опустить люстру в трюм! Лишним отойти в сторону!

Напяливаю на голову маску Осавиахима. Влажная резина плотно прижимается к лицу. Через толстые очки видно плохо. Всматриваюсь в темный провал люка. Яркая люстра освещает клубящуюся массу белого дыма и несколько тонущих в нем ступеней железного трапа. Этот трап идет от нижнего люка на твиндек (вторая, нижняя палуба). Под твиндечной же палубой помещается главный трюм № 2, сплошь забитый грузами.

Приказываю приготовить к спуску в трюм два шланга. Подхожу к борту, набираю в легкие свежий воздух и

снова натягиваю маску. На всякий случай меня обвязывают канатом. Условились, что меня будут тянуть по трем рывкам с моей стороны, или же, в случае продолжительной задержки, не дожидаясь моих сигналов.

Быстро спускаюсь по трапу. На палубе твиндека принял шланги, наколенники которых под сильным напором воды рвались из рук. Первый шланг закладываю тут же у трапа, поверх груза ящиков с галошами, так, чтобы струя била по направлению предполагаемого места огня. Другой шланг мне нужно протаскать как можно дальше вглубь, ближе к деревянной стенке бункера.

Люстра оказалась бесполезной. Дым был настолько густ, что яркая электрическая лампа не была видна даже на расстоянии метра. Бросив люстру, я пополз в заднюю часть твиндека трюма, пробираясь ощупью между штабелями листового железа, труб и ящиками с галошами.

В трюме было жарко, но близкого присутствия огня не чувствовалось. Это успокаивало. Нужно было осмотреть деревянную перегородку бункера. Бросив шланг, я подполз к переборке. Она была холодная и в целости. Выполз обратно. Начал обследовать маленький остаток незагруженной палубы. Она оказалась слегка подогретой. Следовательно подогревание идет снизу, огонь в нижнем трюме. Может быть там уже загорелась двадцатифутовая толща спичек?

Нашупываю пальцами край маленького лючка в нижний трюм. Между пальцами поползли густые клубы газов. Пробую засунуть туда шланг. Наконечник уперся в спичечный ящик, уложенный под самой твиндечной палубой. Наконец нашупал щель. Вода зашумела по спичечным ящикам, пробиваясь вглубь трюма.

Положение определено. Мне нужно выбраться наверх. Чувствую крайнюю необходимость вдохнуть свежего воздуха. Воздух, процеженный через фильтр маски, вызывает колющее удущие в легких. На языке сладковатый привкус. Вероятно вместе с кислородом в маску проникают и отравляющие газы горевшего сернистого угля, серы и фосфора. В легких — точно мелкий горячий песок. Надо успеть выбраться на палубу до потери сознания.

Лихорадочно цепляясь за ящики и железо, пробираюсь обратно. Чувствую усиленное до боли биение сердца, сильный прилив крови к голове. В ушах и висках стучит как молотками. Напрягаю все силы, чтобы не потерять сознание. Острые углы ящиков и железа рвут колени. Я уже на полути. Впереди — воздух, спасение.

Вдруг сильный рывок сзади, от которого я едва удержался на ногах. Какая-то невероятная сила обхватила меня поперек туловища и не пускает вперед. Ощупываю себя руками.

Но ведь это же конец, которым обвязали меня товарищи. Мое спасение теперь превращается в мою гибель. Что, если меня потянут пятьдесят мускулистых рук? Что останется от меня, попавшего в узкую щель? Перережут пополам, либо вытащат в изуро-

дованном виде. Пытаюсь развязать узел, но он не поддается. Наконец нащупываю тот предмет, за который зацепился конец. Освобождаю его и, напрягая последние силы, бегу вперед.

Трап. Несколько прыжков и я повис на комингсе люка. Десяток рук подхватили меня и тащат к борту, в наветренную сторону. Несколько глотков чистого воздуха вернули мне силы.

Плотно закрыли люки, заклинили брезенты, все дыры, щели и вентиляторы. Шланги оставили в трюме. Еще два шланга пропустили в левый вентилятор трюма № 2, под крышку и плотно обвязали, чтобы не было доступа воздуха в трюм.

Посмотрели карту. От Роттердама мы находились в ста милях, от ближайшего голландского порта и берега в 25 милях.

По радио отправили телеграмму агентству Совторгфлота в Роттердаме. Сообщили, что в трюме пожар и что меры к его ликвидации приняты. Попросили выслать навстречу пожарный катер. Назначили место и время подхода к устью р. Маас через 10–12 часов.

отравить себя. Я решил продержаться здесь столько, сколько позволит запас воздуха в легких.

Сравнительно легко удалось вытащить шланг из лючка и я направил его поверх галошных ящиков, по направлению левого заднего угла твиндека. Выполнив эту работу менее чем в минуту, я без особого усилия выбрался наверх и отдышался. Затем спустился еще раз, успев переменить положение второго шланга, в том же направлении, но задержался с третьим, вновь спущенным шлангом. Пришлось бросить его тут же, у основания трапа, чтобы отдышаться. Выход дыма с левой части трюма усилился.

Представлялась такая картина горения: уголь горит внизу бункера и непрерывно подогревает железную переборку трюма, за которой лежат спички. Последние, поглощая массу кислорода, тухнут при закрытом трюме и моментально вспыхивают как только в открытый трюм поступает приток свежего воздуха. При таком положении совершенно бесполезно тушить трюм № 2 до тех пор, пока не будет ликвидирован огонь в бункере. Если спички

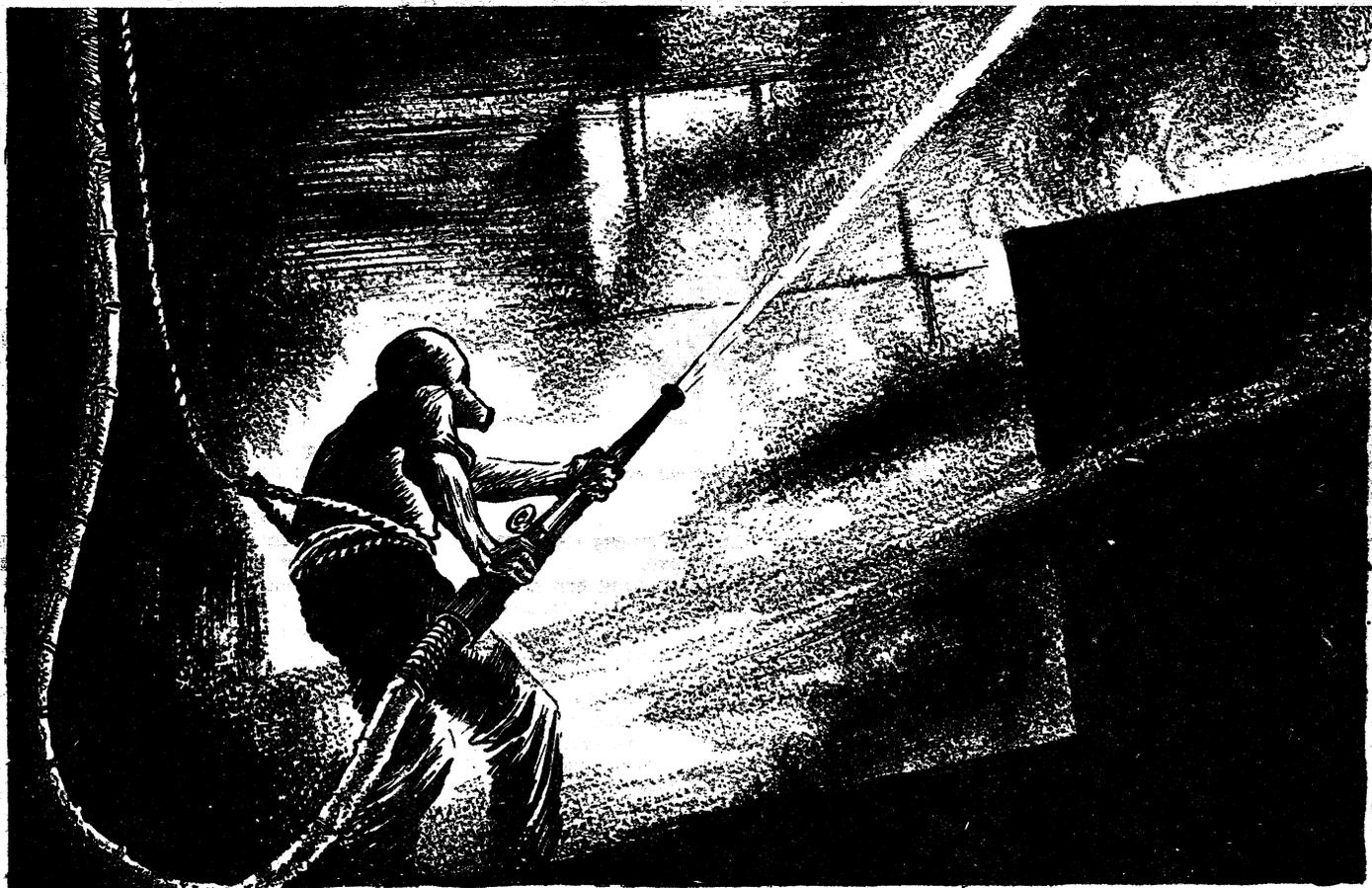
трюма и служат для откачивания воды, попадающей туда из-за борта или в открытый люк.

Я решил еще раз попытаться наскоро переменить и проверить положение заведенных мной в трюм шлангов, а главное — производительно использовать брошенный мной у трапа последний шланг. С этой целью я начал готовиться к четвертому спуску в трюм.

Перед самым моим спуском на эту работу вызвался второй помощник капитана. Он обвязался концом, надел маску и спустился. Через минуту выбрался обратно и заявил, что ему удалось поправить только один шланг, что он хочет спуститься еще раз.

Через несколько минут он спустился опять. Мы держали его на коротком конце, так как работал он у самого трапа, на глубине около десяти футов. Из люка поднимался едкий и горячий дым.

Прошло больше минуты. Решили тянуть за канат. Как только голова второго помощника показалась из люка, десяток рук подхватил и вытащил его на палубу. Он без сознания лежал на руках товарищей.

Я пробрался в заваленный ящиками трюм...

До четырех часов положение на верхней палубе не изменилось. К этому времени мы успели очистить все помещения и убрать все предметы, прилегающие к палубам бункера и трюма.

Когда рассвет позволил отчетливо различать предметы, я приготовился к вторичному спуску в трюм. Приготовили пятый шланг. Наскоро открыли небольшую часть трюма и я в маске спустился вниз.

Навстречу повалил густой, горячий, белочерный дым. Температура трюма была накалена и насыщена газами. Дышать через маску значило наверняка

вспыхнуть и огонь вырвется наружу, то уже никакая пожарная команда в мире не в состоянии будет бороться с пламенем. Запылала бы деревянная надстройка мостика, помещенная на спардеке. А от накала переборки и палуб вспыхнули бы спички, погруженные в трех следующих люках. Экипажу при таком положении угрожала бы смертельная опасность, а пароходу неизбежная гибель.

В 5 часов старший механик доложил, что в трюм № 2 пущен пар через магистраль отливных труб. Трубы эти расположены в самой нижней части

Мучительно-долго тянулись минуты, пока доктор приводил в чувство второго штурмана. По лицу доктора было видно, что надежд на возвращение к жизни пострадавшего мало. Доктор не мог прощупать пульса.

Прошло около десяти или пятнадцати минут, пока наконец пострадавший проявил признаки жизни. Как-то неожиданно он вздохнул и открыл глаза. У всех вырвался облегченный, радостный вздох.

До позднего утра продолжали работать пять шлангов, заведенные сверху, и пущенный пар снизу. Палуба про-

должала нагреваться. Надо было еще раз проверить состояние трюма и переменить направление шлангов.

Открыли три лючины (доски). Повалил тот же дым, но с густым паром. Я спустился в трюм. Меня жгло горячим газом и паром. Окатившись холодной водой из ближайшего шланга, я почувствовал возможность продержаться минуту. Успел переложить наконечники всех трех шлангов и бросился вверх по трапу. У комингса люка меня подхватили, сорвали маску и оттащили к борту.

Часам к одиннадцати старший механик и его помощник соорудили паротушитель из кусков медных труб. Один конец согнутой трубы присоединили к палубной паровой магистрали, а другой просушили в отверстие переднего вентилятора трюма № 2.

С грохотом и шумом горного водопада устремился горячий пар в недра трюма. Пар заполнит все поры трюма. Паротно перенасытит его влагой, при которой горение немислимо. Теперь можно было спокойно отвлечься от трюма, передохнуть и заняться дальнейшими планами нашего положения.

Капитан продолжал вести пароход на Роттердам форсированным ходом, ориентируясь в тумане компасом и расчетом пройденного пути по лагу. Радист принял две телеграммы, полученные от неизвестных судов, предлагавших свою помощь. Повидимому они подслушали наше сообщение агентству и решил, что наше положение знач. тельно хуже. По тону запросов капитан сразу же определил капиталистических хищников, вылавливающих аварийные суда и берущих за услуги почти всю стоимость парохода и груза.

— Ничего не отвечать! — решил капитан.

Однако не прошло и часа, как из тумана перед нами вырисовывался силуэт большого морского буксира. Сначала мы обрадовались, приняв его за люцманское судно, которое по нашим расчетам должно было находиться поблизости. Капитан поэтому приказал рулевому взять левее.

Но через минуту он резкоскомандовал: «Правой! Превышний курс!»

— Это один из тех хищников, — пояснил капитан, опуская бинокль. Буксир повернул на нас и вскоре пошел рядом, на расстоянии слышимости голоса. На корме развевался голландский флаг. Капитан что-то кричал с мостика, показывая красноречиво рукой на готовность его экипажа оказать нам помощь, на мощные отливные помпы и шланги, установленные и разложенные в полном порядке на палубе. Мы сблизились с голландцем почти вплотную.

Капитан, схватив рупор, прокричал по-английски:

— Пароход в помощи не нуждается! — Голландец вежливо помахал фуражкой и отошел на приличное расстояние, продолжая все же держаться параллельного курса.

— Обычай здесь таков, — пояснил капитан, — что прежде чем приступить

к помощи, этот проходивец потребует подписать аварийный кабальный контракт. Пока у нас нет огня на палубе, в глотку этой прожорливой акулы мы не полезем, — кончил он, переходя в противоположный угол мостика.

Недалеко от входа в устье р. Маас нас встретил представитель Совторгфлота и торгпредства в Роттердаме.

Врач приводил в чувство второго штурмана...

Он спешил нам навстречу на маленьком моторном катерке.

Наскоро информировали его о положении парохода. Оказалось, что он уже едва не подписал контракт со спасательной компанией, представитель которой успел опередить нас. Выяснилось, что портовая пожарная команда не может выехать к нам навстречу. Ее деятельность ограничивается портовыми водами, а здесь орудуя исключительно частные, хищнические компании, суда которых непрерывно дежурят в море, выискивая аварийные пароходы. Притти на помощь одному или двум крупным судам в году для них достаточно, чтобы оправдать крупные расходы по содержанию целой флотилии судов, подобных виденному нами прекрасному оборудованному буксиру.

В реке нас встретили два портовых буксира, с помощью которых мы ошвартовались. Вскоре на борт прибыли представители портовых, санитарных, таможенных и полицейских властей, вплоть до брандмейстера. Прибыл сам командир Роттердамского порта, который своевременно известил наш агент о пожаре в трюме.

Капитан попросил командира порта прислать пожарных для обследования места пожара на утро следующего дня. Тот пообещал и уехал вместе с прочими представителями по приемке па-

рохода и оформлению судовых документов. Мы остались одни.

В 20 часов прекратили подачу воды, оставив трюм до утра под паротушителем. Поверхности верхней палубы вахтенные матросы систематически поливали. Около полуночи закрыли паротушитель, чтобы дать возможность остыть трюму к приходу пожарных. Было очевидно, что огонь в трюме ликвидирован, но потушить тлеющий уголь удастся лишь путем его отгрузки.

В 9 часов прибыл пожарный катер с брандмейстером и командиром порта во главе. Не смотря на мой протест, начали открывать полностью весь люк и снимать покрышки и брезент с вентиляторов. С этим надо было подождать по крайней мере несколько часов.

Голландские пожарные напоминали позирующие статистов при кино-съёмке. Канитель с подъемом на палубу шлангов и их проводкой продолжалась около часа. Пожарные чиновники безучастно слаялись по палубе с толстыми сигарами в зубах. Наконец они полезли в трюм и начали рассматривать и прощупывать там грузы с видом посетителей археологического музея.

Начиналось сильное горение спичек, быстро просыхавших от усилившегося горения угля. Скоро из незакрытой части люка повалил густой столб черного дыма. Вентилятор в одно мгновение представлял собой пароходную трубу, переполненную дымом с проблесками языков красного пламени.

Пожарные начали выскакивать по лестнице из трюма и в панике бросились к борту, чтобы спуститься на пожарный катер. Повидимому они испугались возможного взрыва всего трюма. В тот же момент наша команда бросилась закрывать лючины и обгильвать края брезента.

Внутри вентиляторной трубы слышался ха-актерный треск от горевших и воспламенившихся короткими взрывами спичечных ящиков. В течение минуты вентилятор почернел от обгоревшей краски и нагрелся до того, что дотронуться до него стало невозможно. Балансируя на лапе укрепленного рядом запасного якоря, мы с боцманом пытались накинуть на верх вентилятора кусок брезента. Нам жгло лицо. Дышать было невозможно. Брезент отбрасывало напором густого горячего дыма. Наконец, обжигая руки, мы накинули брезент и связали его края. Дым устремился вниз, под края брезента. Стало возможно дышать.

Несколько пожарных-голландцев вернулись и остановились поодаль от трюма, наблюдая за нашей работой. Я подбежал к одному из них и попросил дать мне маску. После короткого раздумья этот пожарный полез на мое место и начал помогать обматывать второй брезент. Еще два или три пожарных начали помогать команде герметически задраивать люк и вентилятор.

Пустили паротушитель и подали воду по оставшимся на местах пяти шлан-

гам. Около 11 час. пожарные удалились, убедившись в своей бесполезности. Мы предоставлены были опять самим себе.

Возникло опасение, как бы горение не распространилось на соседний трюм № 1, где также лежал большой груз спичек. Переборка этого трюма, отделявшая его от трюма № 2, была накалена настолько, что нельзя было выдержать прикосновение руки более пяти секунд. Прилежавшие первые ряды спичечных ящиков тоже нагрелись и каждую минуту можно было ожидать их вспышки. Нужно было немедленно убрать отсюда этот ярус.

В 15 часов прибыл наш агент. Устроили короткое совещание и пришли к решению затопить трюм № 2 и смежный с ним бункер.

К шести часам утра трюм был затоплен на высоту около 5 метров, но уже при этом давлении водонепроницаемая переборка между трюмами № 2 и № 1 показала свою слабость и начала давать течь.

Теперь мы повели борьбу с водой в трюме № 1. Поставили ряд упоров, задраек, заглушек и пробок. Однако вода настойчиво просачивалась то на соединении железных листов, то пробивалась тончайшими фонтанами из-под заклепок и едва заметных дырочек в проржавевшем от времени железе.

В 9 час. 45 мин. прибыли опять пожарные и рабочие. Открыли трюм. Оттуда шел горячий пар и тот же сероватый дымок из левого угла. В масках пожарные спустились в трюм. Но вышла опять задержка с подачей воды. Почему-то оказались неисправными помпы на пожарном катере. На указание об этом брандмейстер ответил неопределенной grimасой и хладнокровно отошел к борту, покурявая сигару.

Наконец дали воду. Заработало пять или шесть голландских шлангов. В трюм спустилась почти вся палубная команда парохода, младшие штурманы, механики, несколько машинистов и качегаров. Трюм превратился в место ожесточенной борьбы людей с огнем.

Мы пробирались через баррикады наваленных грузов, ползли на животе в отдаленные углы трюма, откуда поднимались навстречу нам удушливые беловатые клубы дыма. Задыхались, кашляли, но упорно лезли вперед, забывая об опасности. Все, что мешало, отбрасывали на освободившийся просвет люка.

Пожарные-голландцы в масках не решались продвинуться дальше комингсов люка. Наши люди без масок тащили шланги вглубь трюма, где атмосфера была более удушливая.

Вскоре начали вытаскивать из трюма отравившихся газами наших людей и пожарных. Их укладывали на

палубе. Судовой и прибывший портовой доктор оказывали им помощь посредством привезенных с берега кислородных баллонов.

Трюм закрыли, но помпы продолжали подавать туда воду. Под брезент люка было подведено десять портовых шлангов с двух пожарных катеров.

Между тем главный источник пожара — бункерный уголь до сих пор оставался без внимания. И только когда бункер дал о себе знать густым беловатым дымом, принялись за уголь.

Через несколько минут работы верхний слой угля провалился вниз, на место нижних сгоревших слоев. Образовалась глубокая воронка. Два качегара вызвались добровольно подвести

оказалось около 6 метров. Нижний трюм и бункер были полностью затоплены. Теперь огонь мог быть лишь на палубе твиндека. Через полчаса, решили опять открыть трюм. Атмосфера трюма значительно охладилась. Все же дым продолжал пробиваться с задней части твиндека. Вместе с пожарными в трюм устремилась опять почти половина нашей команды, невзирая на предупреждения и запреты. Началась вновь ожесточенная борьба людей с огнем. Тушение приняло теперь более планомерный характер и рабочие могли приступить к выгрузке отброшенных на просвет люка грузов.

Шаг за шагом люди пробирали себе проход в глубину твиндека и заливали дымившиеся ящики со спичками и галошами.

За увлекавшимися и продолжительно отсутствующими с палубы шли свежие люди и силой вытаскивали их наверх. В удушливой атмосфере трюма возникали стычки между «спасителем» и «спасаемым». Но когда последнего все же выволакивали на палубу, он нередко терял сознание. Под конец энтузиазм команды заразил и некоторых голландских пожарных. Их также начали сменять и выводить наверх, где отжигивали кислородом и отпавляли молоком. Скоро палуба парохода превратилась в боевой санитарный тыл, точно так же как трюм представлял собой место ожесточенного боя.

Ликвидировать пожар удалось только к 14 часам 29/VIII 30 г. Пожарные удалились, но нам еще 4 часа пришлось разбирать тлеющие ящики галош и спичек в оставшейся незатопленной части твиндека.

Начали откачивать воду из затопленных трюмов. Продолжалась эта работа до полудня 1 сентября. 2 сентября крановым ковшом выгрузили уголь из бункера. При этом выяснилось, что самовозгорание угля началось в левом углу бункера, в расстоянии около метра от переборки трюма и левого борта.

Уголь здесь слился в сплошную массу. Рабочим пришлось разбивать его кирками. Скопсавшийся уголь оказался и в более высоких слоях в левой половине бункера. Под кучей слипшегося угля обуглились три доски настила. Что же касается спичек, то нижние ряды ящиков оказались нетронутыми. Обгорели лишь верхние три ряда.

Вместе с пароходом удалось отстоять ценнейшее оборудование для наших вновь строящихся заводов. На изготовление этого оборудования потребовалось бы не меньше года.

Героические усилия экипажа парохода «Красный профинтерн» при тушении пожара были отмечены особым приказом по Совторгфлоту.

Испуганные пожарные выбежали из трюма...

шланги под комингс, к месту наиболее вероятного и интенсивного горения угля. Надев пожарные маски голландцев, они спустились в люк с подвязанными концами у пояса. Через минуту их подняли наверх почти в обморочном состоянии.

К 12 часам высота воды в трюме № 2

ВОЗДУШНЫЕ ТРАССЫ

С. Емелин

...— Представь себе, что на заводе, затерянном где-то на окраине нашего Союза, испортилась какая-нибудь деталь машины, механизма. Пустыковая деталь и по объему и по весу, но по значению!..— Мой собеседник поднял вверх указательный палец.— Без этой детали завод обречен на остановку производства. Что может быть легче как доставить эту деталь на самолете?

А теперь представь себе, как ждут этой детали рабочие, как бегают на аэродром и вглядываются в небо директор консервного завода на Камчатке... Наконец над морем показывается самолет. Тот самый, о котором сообщали по радио, что он доставит эту деталь из Москвы сюда, на Камчатку.

— На Камчатку?

— Ну, да, на Камчатку. Из Москвы. Тундра, тайга, таинственные озера, скалистые горные массивы, на которые еще не ступала человеческая нога, полунисследованные реки. Такова Сибирь. Край нехоженный и неезженный. Дичь, пушнина, меха, драгоценный лес, ископаемые... Никем нетронутая площадь, равная половине всего Советского союза. И все это сырье для промышленности, для сельского хозяйства, продуктивные ресурсы, — все это отрезано от центра. Сухопутная дорога в большинстве невозможна. Водный путь малосилен. Сокровища можно достать только по воздуху.

Идея завоевания Севера с воздуха — не новая идея. Пароход и упрямые собаки в конце концов не могут преодолеть бескрайние ледяные степи и северные просторы. После многих попыток и трагедий это стало ясным и неоспоримым. Так родилась идея взять Арктику с воздуха.

Риссер-Ларсен в феврале этого года с аэроплана открыл в Арктике три новые земли. На Свальбарде Мителгольц удачно провел аэро-фото-съемку куска Арктики. Адвокат Эйельсон чисто-по-американски оценил значение в Арктике воздушных дорог, бросил свою профессию и занялся более прибыльным делом, организовал развозку почты в Аляске на самолете. Даже при наличии железной дороги он вскоре имел в своих руках 8 авиалиний! Вилькинс пригласил его в свой полет, как опытного арктического пилота, ибо летать в Арктике может только специально вытравленный кадр пилотов.

Итак, завоевание Севера с воздуха. Вот почему такое важное значение для социалистической стройки имеет состоявшаяся в Ленинграде конференция по экономическому обследованию северных путей.

Председатель комиссии по обследованию воздушных линий тов. Баранов нарисовал перспективы наших воздушных путей в Арктике. Наибольшая густота авиасети будет на севере европейской части Союза. Там намечается линия вдоль Мурманской железной дороги, по берегу Кольского полуострова. Другая — вверх по Северному Уралу, по Каме и Печоре.

Вторая группа линий грандиозна по протяжению и чрезвычайно смелая. Это — Камчатка, Чукотия, Чукотский полуостров. Здесь из бухты Нагаево (Охотское море) линия пройдет по западному берегу Камчатки, дальше по

восточному берегу, вдоль Тихого океана, до мыса Уэлен и на остров Врангеля. Вторая пройдет из бухты Нагаево на Пенжинскую губу до Марининска.

Третья арктическая группа авиалиний проиницирует богатейшую северную область Союза — Якутскую АССР.

Кроме того в проекте воздушной трассы по Оби и Иртышу, там, где они пересекаются с Сибирской железной дорогой, до Обдорска и в устье Оби. В плане есть еще линия Красноярск — устье Енисея.

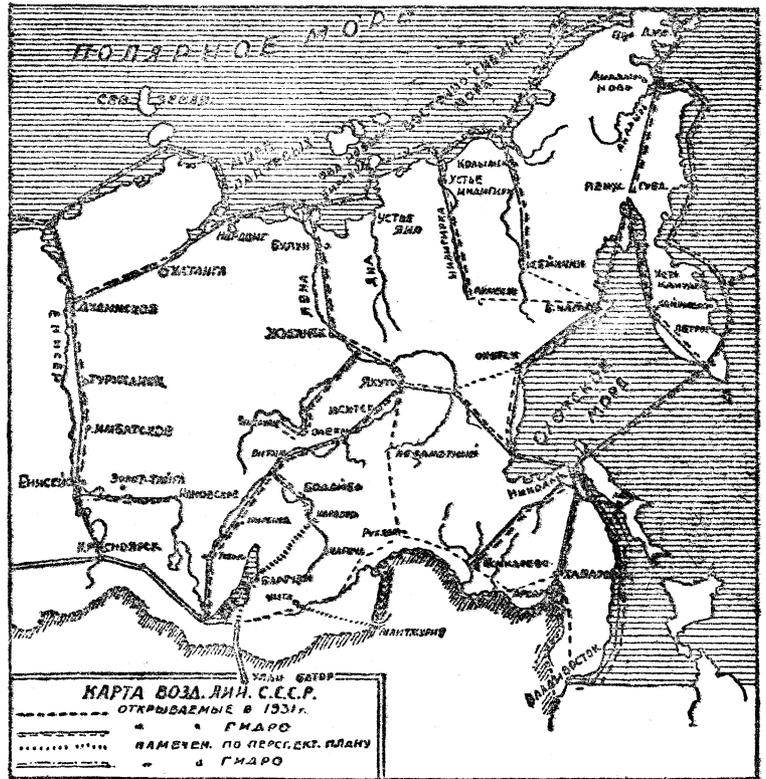
Кроме этих постоянных линий будут эпизодические. Из Архангельска по западному берегу Новой Земли до Земли Франца-Иосифа. Самолеты будут обслуживать Карские экспедиции и держать связь с нашими зимовщиками на северных полярных островах.

Через год наши авиалинии захватят 45.000 километров воздушного пути. Эта цифра ставит нас на второе место в мире (сейчас у нас 26.000 километров воздушнопутей).

Не только Север и Арктика будут покрыты воздушными трассами. Намечен ряд южных воздушных линий в азиатской части Союза. Бездорожные пустыни Азии, песчаные просторы, где недавно тянулись караваны верблюдов, услышат стрекот авиамооторов. Линия Омск — Семипалатинск — Акмолинск свяжет Сибирь с центральной Азией, будет воздушным Турксибом. Хлебные, хлопковые районы Страны семи рек, угольные копи Караганды получат по воздуху почту и нужные детали для производства.

Обитатели азиатских окраин Союза знают уже о советских самолетах. В калмыцких степях в этом году сложили песни о «железных птицах большаков». В прошлом году эти железные птицы спасли калмыкам стада. Дело было так. Зимой в степях грянул мороз. Десятки тысяч баранов стали гибнуть. Бараны разбежались на сотни километров, спасаясь от мороза. И только разведка самолетов помогла найти скот и сообщить о нем по радио. Этот рейс спас калмыцкие станицы от грозившей им нищеты.

Серный завод в песках Кара-Кумы не будет уже месяцами ждать «оказии» караванов с необходимыми вещами. Из Азии мы повезем на самолетах местные товары, также как и с Севера повезем над тайгой и тундрой пушнину, меха.

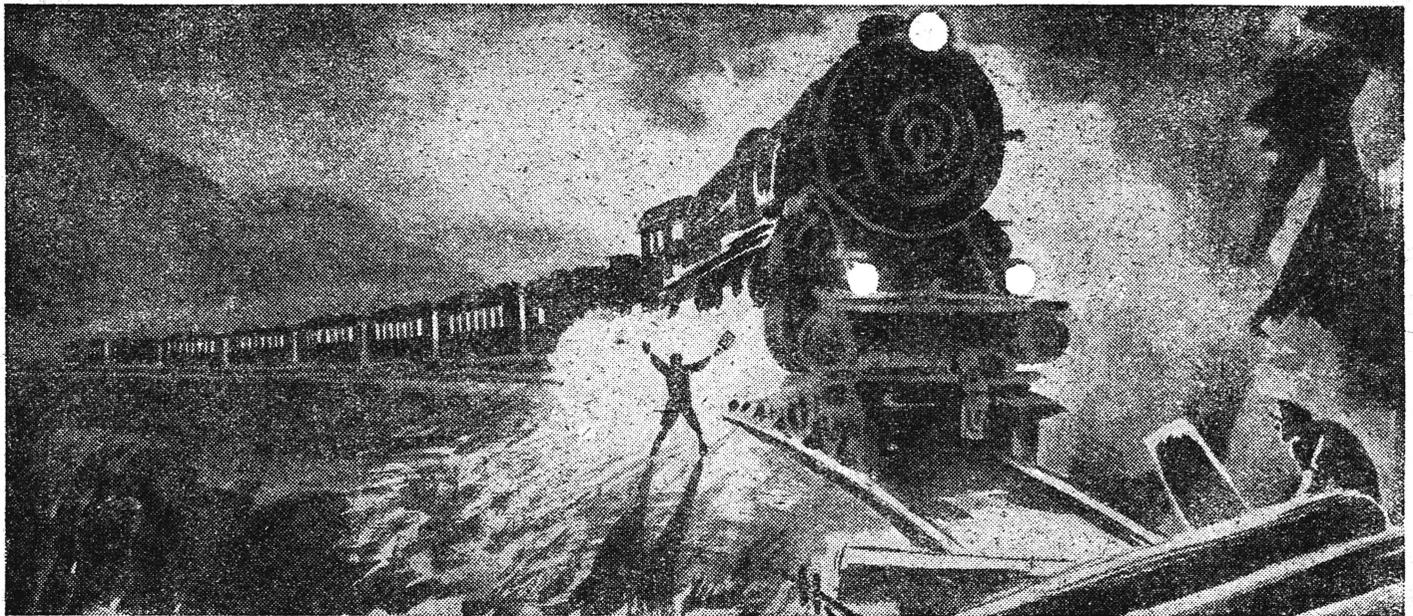
В этом кроется экономическое обоснование будущих воздушных линий. Быстрота и дешевизна! Один километр железной дороги стоит 100.000 рублей. Один километр автошоссе — 35.000 руб. Один километр воздушной трассы (дневной) со всем оборудованием... 2.000 р.

Новые способы сообщений требуют большого количества бензина. Самолет может отправиться в экспедицию только с ограниченным запасом бензина. Это тормозит работу, особенно в Арктике, где нет ближайших станций. Но в Арктике есть старая традиция — «подумай о следующем». Путешественник в Арктике, уходя со стоянки, оставляет там часть припасов, одежду, а часто и жилье. Все это пригодится другим.

На конференции был выдвинут вопрос о бензиновой повинности в Арктике. Каждое судно, выходя в арктическое плавание, должно брать с собой запас бензина и оставлять в известных пунктах на необитаемых берегах, мимо которых проложена воздушная трасса.

Тысячекилометровые пространства Севера, над которыми пройдут советские самолеты, должны быть приспособлены для посадок. Каждая воздушная трасса должна иметь аэродромы и посадочные площадки. И уже сейчас в девственных лесах, на скатах гор, в тундре, на побережьях океана начаты работы. В Чукотии и на Камчатке в 30 километрах друг от друга создаются ровные площадки для посадок авиамашин. На 400-километровых дистанциях растут аэродромы с бензинохранилищами, мастерскими, метеорологическими станциями и т. п. Обследовано все побережье до мыса Уэлен на севере Чукотки.

Уже сейчас вы можете сесть в самолет Москва — Иркутской линии. А вскоре сядете на Московском аэродроме в самолет, взмоете вверх и пилот повернет машину на ост. Пронесетесь через европейскую часть Союза, дальше и дальше, над горами, лесами и реками и выйдете из самолета на край Азии, во Владивостоке. Полет — днем и ночью.

НА ЗАБРОШЕННОЙ СТАНЦИИ

Э. Финн.

Станция Индюк залегла между двумя тоннелями, на террасе, отвесно спускавшейся к бурной горной речушке. Яркая-красная крыша станционного домика резко выделялась на зеленом фоне леса, росшего по склонам гор.

Движение по линии было небольшое. Пара скорых, две пары почтовых, да несколько товарных, с которыми хлопот было немного. Штат станции Индюк по этой причине тоже был невелик: шесть человек. Начальник станции — старый железнодорожник Логинов, помощник — Николай Карлович Бондорф, телеграфист Грудзинский, осмотрщики вагонов, они же стрелочники, Тумкович и турок Абдул и путевой сторож Макарыч.

Нельзя сказать, чтобы на станции Индюк жили дружно. Спорили, ругались, ссорились из-за пустяков. В одном лагере были Логинов и Макарыч, в другом Бондорф и Тумкович. Бондорф и Тумкович восставали против всяких нововведений, — Логинов постоянно возражал им, за что и получил от Бондорфа кличку «наш коммунист». Бондорф обычно пускался в идеологический спор, Тумкович же просто ругался.

Так в спорах текли дни на заброшенной станции. Скорые поезда проходили без остановки. Останавливались лишь почтовые и товарные, а последние только тогда, когда шли со стороны моря. Сверху они летели без остановок не хуже скорых. Работы таким образом было не очень много.

Может быть поэтому-то споры нередко кончались скандалами, после которых Тумкович демонстративно бросал работу. Логинов уже несколько раз просил в районе, чтобы Тумковича перевели в другое место.

Макарыч держался того же мнения и определенно считал Тумковича вредителем. Однажды например стрелка с главного пути была переведена на запасный, хотя скорый вовсе не нужно было туда пускать. Катастрофа миновала станцию только благодаря Ма-

карычу, который во время заметил опасность. В другой раз кто-то погасил фонарь на главной стрелке. Макарыч был твердо уверен, что это были проделки Тумковича, который не раз грозил пустить поезд «выкупаться».

Как-то раз с одним из товарных поездов на станцию приехал Карячко — представитель дорпрофсоюза. Как и раньше, Логинов принялся убеждать его, что Тумкович — темная личность.

— Я тебе как партийцу говорю: сволочь Тумкович! — надрывался Логинов.

— Да ну тебя. Все по-твоёму вредители, — отмахивался Карячко. Так он и уехал, не разобравшись в конфликте, захватив с собой заявление Логинова и пообещав передать его по инстанции.

Николай Карлович, свидетель этого разговора, ехидно улыбался и начал разводить свою обычную философию, что люди даром работать не хотят, что напрасно это Логинов так старается, что все это ни к чему...

— Пошло, поехало, — буркнул Логинов и, не глядя на Николая Карловича, отправился домой.

...Четыре часа дня. Солнце опустилось за горы, освещая вершины хребта. В ущелье стало мрачно. Вдоль рельс зажглись желтые и белые огоньки.

Четырехосный Од 369, только-что приехавший с тяжелым составом с моря, отдыхал на запасном пути. Грузно вздыхая, он готовился к трудному подъему через перевал.

До отхода оставалось два часа. Но машинист Кречетов далеко не был уверен, что он уйдет вовремя. Что-то случилось с подшипниками одного из вагонов. А Кречетов хорошо знал, что на станции Индюк не очень любят топиться. Уйти же вовремя было крайне необходимо: иначе пришлось бы пропускать скорый номер шесть. Уже полчаса прошло как он заявил о неисправности, а осмотрщики все еще не приходили. Это не на шутку волновало

Рис. Н. Кочергина

Кречетова, лучшего ударника-машиниста района. Наконец вдали показались два качающихся огонька.

— Идут, черти, — выругался Кречетов.

Огоньки действительно направлялись к паровозу. Один из них двигался ровно, другой что-то пошаливал. Абдул был пьян и еле успевал за Тумковичем. И оттого, что он шатался, его фонарь выписывал самые невзрачные кривые.

— Какой вагон-то? — окрикнул Кречетова Тумкович.

— Шестнадцатый кажется слева, — ответил ему Кречетов. — Да не задерживайтесь, — бросил он вдогонку.

Лишь по фонарям, которые продолжали маячить вдоль вагонов, было видно, что осмотрщики отправились исправлять поломку.

Шестнадцатым оказался четырехосный американский вагон. Тумкович сразу занялся подшипником, а Абдул, поставив свой фонарь на шпалы, присел на землю и немедленно же захрипел. Тумкович хотел было выругаться и разбудить Абдула, но вдруг осторожно осмотрелся...

Никого не было. Только цикады однообразно потрескивали под аккомпанемент жужжавших проволок телеграфа. Вдали у самой земли вспыхивало пламя паровозной топки и раздавалось шипение пара. Из открытого окна станции доносилось пение Грудзинского, фальцетом выводившего какую-то арию.

Тумкович еще раз осмотрелся. Кроме Абдула никого поблизости не было.

«Теперь или никогда», — прорезала сознание Тумковича мысль.

Как будто бы только вчера еще он снимал погонь поручика, после того как город был занят красными, а «железный отряд» с позором должен был бежать.

— Теперь или никогда, — прошептал Тумкович. Его рука потянулась к ящику с инструментами...

Пила лихорадочно заработала по стяжке. Металл издавал резкий скрипящий звук. Абдул было проснулся, попытался встать, но снова грузно опустился на землю. Его веки снова закрылись. Он спал.

Из станционного дома вышел с зеленым фонарем главный кондуктор и поспешно отправился в хвост поезда. Вскоре вслед за ним вышел и Логинов, держа в руках сигнальный фонарь. ОД 369 сразу как-то оживился. Он стал чаще пыхтеть. Казалось, что все его рычаги напряглись.

Логинов помахал фонарем. Сзади с последнего вагона раздался протяжный свисток кондуктора. Паровоз дрогнул. Вагоны со звоном сдвинулись с места.

Тумкович, стоявший в тени сарая, лихорадочно сжал пальцы, испуганно озираясь по сторонам.

«А что если не выдержит? Что если лопнет сразу, с места?» — мелькали тревожные мысли. Но поезд не разорвало. Надпиленные стяжки еще держали.

ОД 369, постепенно ускоряя ход, врезался в гору. Вот он дохнул паром в последний раз и скрылся во мраке тоннеля.

Семафор нервно вздрогнул. Зеленый огонек сменился красным, а телеграфист Грудзинский отстучал знакомые слова, которые он каждый вечер передавал вниз, на станцию Алмазная: «станция Индюк свободна».

ОД 369 с трудом вытягивал восьмидесятиосный состав из тоннеля. Близок еще один тоннель, а за ним последний, но самый тяжелый подъем.

— Поднажмем, — коротко сказал Кречетов. Кочегар увеличил струю нефти. Еще ярче засветилось полотно под топкой. Тяжело дыша, ОД 369 промелькнул мимо полустанка Горская.

Набирая скорость, ОД 369 ринулся в последний тоннель. В конце его начинался подъем. Колеса паровоза вдруг как бы потяжелели. Ход уменьшился. Впрочем, может быть это только показалось Кречетову. Он привычной рукой переставил регулятор еще на одну зазубрину.

— Запрямился! — бросил он по адресу паровоза. А паровоз неожиданно подпрыгнул на месте и как бешеный ринулся вперед, будто какая-то сила ударила его сзади. Только тогда побледневший Кречетов понял, что случилось самое ужасное...

Кондуктор хвостового вагона, дремавший, облокотясь о стенку, тоже вздрогнул от толчка. Тяжелый воздух и клубы пара говорили о том, что поезд в тоннеле. Пройдя еще пятьдесят-шестьдесят метров, вагоны остановились и медленно пошли обратно...

— Что случилось? — вслух спросил кондуктор. Он было схватился за свисток, но, успокаивая самого себя, подумал,

что может быть паровоз не смог взять подъема и теперь откатывается, чтобы взять его вторично с разбега.

Между тем вагоны шли все быстрее и быстрее. Вдали показался освещенный луною овал тоннеля. Мягко, без толчков, поезд выехал из тоннеля и, все увеличивая скорость, помчался обратно ко второму тоннелю. Паника охватила кондуктора. Он соскочил на насыпь, все еще рассчитывая, что Кречетов осаживает состав. Все быстрее и быстрее мелькали мимо вагоны. И когда промелькнул последний, стало ясно, что произошел разрыв поезда.

...Телеграфист на полустанке Горская, только что получивший телеграмму о выходе снизу, со станции Алмазная, скорого номер шесть, был немало удивлен, когда увидел мчавшийся мимо него состав. А когда оказалось, что у состава нет паровоза, пальцы телеграфиста впелись в подошник. Ведь снизу идет 6-й. А уклон большой...

И тревожная телеграмма побежала по проводам: «...катастрофа... разрыв товарного... хвост навстречу скорому...»

Телеграмма была получена одновременно и на станции Алмазная и на станции Индюк.

— Теперь или никогда, — прошептал Тумкович, направляясь к вагону...

Скорый № 6 только-только отошел от Алмазной, как вздохмаченный телеграфист выбежал на платформу, столкнувшись с дежурным по станции. Оба они в ужасе застыли на месте, с тоской вглядываясь в темноту, откуда подмигивали два красных глаза удалявшегося поезда.

Набирая скорость, паровоз скорого все быстрее и быстрее мчался вперед. Яркие освещенные вагоны мягко покачивались на рессорах и слегка вздра-

гивали на стрелках, позванивая разболтавшимися частями. На поворотах тоскливо скрипел чугун буферов. Обдав шипением гранит тоннельного портика, скорый № 6 ворвался в горы...

На станции Индюк скорый № 6 не останавливался. Каждую ночь, вздымая столбы пыли и обдавая ветром одинокого дежурного, скорый лихо мчался мимо раскрытого окна телеграфиста Грудзинского, мимо будки Макарыча...

...Первый тоннель заканчивался. Не уменьшая скорости, поезд вырвался из тоннеля, чтобы через минуту-другую промчатся мимо семафора и снова врезаться в гору.

Вдруг впереди мелькнул резкий, как молния, красный огонек. Опасность! Лицо машиниста скорого № 6 искажилось, его рука лихорадочно рванула регулятор. Другая рука легла на тормозную рукоятку... Кочегар моментально зашатался, размахивая руками, как пьяный. Под паровозом закричало. Сзади раздавалось скрип и звон разбиваемых стекол...

На минуту все стихло... Скорый № 6 тяжело останавливался. Был лишь слышен скрип мучительно стонавших тормозных колодок, скрежет бандажных колес.

Скорый № 6 остановился в нескольких метрах от черной груды, наваленной на рельсах. Торчала рама раздавленного вагона, щерились ломаные доски. Беспорядочная темная масса остановленного товарного состава жутко застыла на насыпи дорogi.

Машинист скорого, все еще впиваясь глазами в темноту, старался что-то сообразить. Логинов, размахивая красным фонарем, что-то кричал снизу с полотно... К паровозу подбегали перепуганные пассажиры...

Крушение было предотвращено. Телеграфист Грудзинский, получив тревожное сообщение о разрыве товарного, как был в белье, выбежал на платформу и поднял тревогу. Звон станционного колокола, до этого никогда более 3-х раз кряду не звонившего, огласил ущелье тревожным боем... Пока Макарыч и Грудзинский наваливали на рельсы шпалы, Логинов с красным фонарем побежал навстречу скорому...

Тумкович исчез и лишь спустя два или три месяца в газетах промелькнуло сообщение про его арест...

Абдул после этого случая перестал пить. Бондорфа на станции Индюк нет — он перевелся на другую станцию. Впрочем, Логинов, Макарыч и Грудзинский, ставший по совместительству и счетоводом, справляются и без него...

...И попрежнему мимо заброшенной станции Индюк скорый № 6 проходит без остановки...

Ч У Ж Д Я Р О Д И Н А

Н. Константинов

6 мая в Париже состоялось торжественное открытие колониальной выставки.

Жан Питу хотел слизнуть с ладони хлебные крошки, но ладонь внезапно дернулась и крошки посыпались на колени. Впрочем, Жан Питу уже забыл о том, что съеден последний ломоть хлеба. Жан Питу уже не думал о том, что этот тощий ломоть хлеба с пригоревшей коркой — слишком убогая подачка голодному брюху. Опираясь о стену липкой холодной ладонью, он добрался до кровати, стуча зубами. Его лицо потемнело, глаза скозились и остеклялись.

За стеной хрипло и второпях пробили часы. Восемь раз. Потом они пробили девять раз. Потом десять. Тогда только Жан Питу приподнял голову и сразу же уронил ее на одеяло. Вялыми, точно чужими пальцами провел по небритым щекам и замер. Часы пробили одиннадцать, захлебываясь и сердясь.

— Одиннадцать,— сосчитал Жан Питу и опустил ноги на пол.

В мутном сознании сразу же всплыла тупая мысль о том, что лихорадка вернулась. Она опять начнет трясти его изношенное тело, как тогда в Судане, двадцать лет назад. Но в те дни Жан Питу был молод. Он не гнул спину под тяжелым ранцем, не сбивался с ноги и бодро шагал, выпучив глаза, как полагаются доброму солдату. Но даже и

в те дни, попав на лазаретную койку, Жан Питу плакал и проклинал тех, которые послали его в гнилые болота тропической Африки. Бить негров во славу родины, будь она проклята!

Что же должен говорить Жан Питу теперь? От молодости у него осталась только медаль за храбрость. Да и та напоминает медную монету: серебро стерлось.

Когда Жана Питу вышвырнули из фабрики, он надеялся, что медаль поможет ему найти место консьержа или капельдинера в каком-нибудь театрике. Всю дорогу из Лиона в Париж он раздумывал, что лучше — дремать у ворот, поглядывая на ревящихся детей, или расхаживать из ложки в ложку, важно поглаживая седые усы. На такие места всегда охотно брали ветеранов войны, в особенности с медалями. Жан Питу озабоченно ощупывал в кармане завернутую в тряпку медаль.

Однако вскоре он убедился, что театров и домов в Париже, пожалуй, меньше, чем ветеранов войны. Медаль не замечали и коротко, не глядя, отзывали в службе. Через месяц Жан Питу перестал даже нацеплять медаль на грудь и решил перебраться из мансарды в ночлежный дом. Тесная клетушка с соломенным матрасом стала для него недоступной роскошью. Последний кусок хлеба съеден. И к тому же вернулась лихорадка.

Если бы Жана Питу спросили, что такое Франция, он вспомнил бы только нескончаемые маршировки в тесном солдатском строю, картонажную фабрику с желтыми пыльными окнами, потом лестницы, крутые, как водопады, и отлогие, как волны прибоя. Лестницы были разные, но все они вели к дверям. Двери тоже были разные — тесные и широкие, обитые клеенкой и полированные, с бронзовыми ручками, но за каждой дверью Жан Питу получал одинаковый ответ: «Работы не найдется». Вот что такое родина. Облезлая медаль и лихорадка. Будь она проклята, эта родина!

За окном протяжно и торжественно захлопотали пушки. Их тяжелые голоса ворвались в мансарду и заставили Жана Питу вздрогнуть. Через минуту залп повторился еще протяжнее и тяжелее. Жан Питу кинулся к окну, но увидел только край крыши с ледными богинями. Снизу доносились голоса. Повидимому на улице кипела и волновалась толпа. Было слышно, как во всем доме хлопали двери, очевидно люди выбегали на улицу из своих квартир. Но что там случилось?... Орудийный грохот снова обрушился на Жана Питу.

Рис. С. Верховского

Через минуту он ковылял по лестнице, цепляясь за перила. Ноги одеревенели, во рту пересохло, но должен же он узнать, что там случилось.

— Почему они палят? — окликнул он какого-то молодого человека. Но тот, даже не взглянув, промчался мимо, рассыпая по ступенькам барабанную дробь шагов.

На улице Жан Питу уже никого не расспрашивал. Он бежал вместе с толпой, которая заполнила всю улицу и тоже стремилась вперед, не зная, спасается ли она от неведомой опасности или спешит увидеть небывалое зрелище.

Потный людской поток вынес Жана Питу на бульвар Понятовского и швырнул через широкие ворота на желтые аллеи Венсенского леса.

Здесь Жан Питу забыл о своей медали, о лихорадке. Он впервые за свою жизнь увидел Францию. Но не ту проклятую Францию, в которой только и есть что маршировка, пыльное окно фабрики и водовороты лестниц. Нет, перед ним открывалась иная невиданная им ранее страна. Из облачной листвы деревьев возносилась к небу башня с двумя бычьими черепами наверху. На голубом небе вычертились беспокойные силуэты минаретов, вдали сверкал огромный купол какого-то храма...

В тот же день и час в Венсенский лес вступил деревянным шагом Реджинальд Слим, майор английской службы в отставке. Также как Жан Питу, майор в молодости служил в колониальных войсках и получил орден за храбрость. Во всем же остальном пути французского инвалида и английского майора расходились. И в Венсенский лес он попал не случайно, а прибыл из своего поместья в Шропшайре с заранее обдуманной целью. И в ворота Рельи майор не был увлечен толчеей толпы, а вступил хмуро и сосредоточенно, как соглядатай, который в любую минуту готов стать врагом.

Здесь, в Венсенском лесу, майор хотел разрешить темные сомнения, мучившие его уже давно. С давних пор он заметил, что добрая старая Англия одряхла. Ее титул «владычица морей» казался майору побрякушкой. Какая же владычица, если не над чем владычествовать? Где Австралия? — давно отвелилась от старушки Англии. Канада? — льнет к Соединенным Штатам, Южная Африка? — у нее свой парламент, свои фабрики. Даже испокон века покорная Индия, и та добивается каких-то прав. Куда же будет посылать Британия детей своих (а их у майора пятеро),

в какой колонии они сделают свою карьеру и получают причитающиеся им ордена?

А вдруг у Англии не останется ни одной колонии? Как крысы с тонущего корабля, начнут разбегаться обитатели маленького туманного острова. Это будет концом великой Британии, таким позорным концом, о котором майор боялся и думать.

До сих пор английские министры вели фабрикантов всей Европы в наступление на сонные цветные материи. Теперь Англия уходит со сцены, не доиграв роли. Ее место занимают какие-то чуждые янки, тоже некогда подданные английского короля. Они наводнили всю Азию своими товарами, они настроили в Южной Америке свои заводы. За товарами же всегда следует флаг. Когда-нибудь, и может быть очень скоро, молодые янки хлынут в колонии делать карьеру. Там они неминуемо столкнутся с молодыми англичанами, которые явились за тем же. Англия, у которой отваливается одна колония за другой, и Америка, которая пролезает все в новые страны, обязательно сцепятся.

Но пусть драка с одним противником, — а если их окажется два? Если на сцене появится Франция? Еще 10—15 лет назад майор был уверен, что Франция славится только своими проворовавшими министрами, ленивыми рантье и постепенным вымиранием. Правда, у нее были колонии, даже много колоний — треть Африки, добрый кусок Азии и кое-что в других частях света, но ведь это были дикие земли, куда Франция распахивала своих чиновников, не зная как от них отвязаться. Разве это противник?

Но теперь майор видел, что Франция становится опасной. Недаром она издавна слывет мировым ростовщиком. Целые страны — Югославия, Румыния, Польша, опутанные по рукам и по ногам займами, ходят на поводу у французских банкиров. Деньги завидным потоком льются во французские сейфы, а оттуда в колонии, где они дадут сто, двести, триста процентов прибыли. И французские колонии еще не собираются отпадать. Франция бережет свои деньги, как цепной пес. Когда они лежат в банке, их охраняют толстые стенки сейфов, когда они выходят за пределы страны, их стерегут танки, бомбовозы, хорошо вышколенные солдаты, баллоны ядовитых газов. У Франции самая большая в Европе армия, которая в любую минуту двинется против какой-нибудь Польши, если она откажется платить проценты французским банкирам, и против какого-нибудь Индо-Китая, если там туземцы захотят отобрать французские плантации и копи. Никаких свобод, парламентов, независимости!

Французские банкиры хотят стать вожаками Европы. Когда из хорошо зна-

жомой майору географической карты выпала шестая часть света, где для банкиров и фабрикантов не осталось места, Франция одна из первых начала призывать к захвату и разделу этой потерянной части света. Она не перестает проповедывать интервенцию до последней минуты. Она вооружает своих вассалов, опутанных ее займами.

Именно Франция, а не кто иной устраивает мировую колониальную выставку, точно хочет сказать: смотрите, как прочно прикованы мои колонии, какие небывалые перспективы открываются там для фабрикантов, офицеров, чиновников. Десятая часть земного шара, 66 миллионов туземцев покрыты трехцветным флагом, Франция — новый соперник, слишком опасный для того, чтобы его не замечать.

Зависть и тревога за будущее пригнали майора в Венсенский лес. Он опоздал к моменту открытия выставки, когда под медный рев пушек в ворота Рельи вошел президент Думерг. Но майор приехал не любоваться парадами. Он деловито шагал по авеню французских колоний, торопясь ознакомиться с выставкой.

Его не восхитили приютившиеся у самого входа идиллические домики Таити, Новой Каледонии и Гвианы. Он не остановился в умилении перед павильоном отцов миссионеров, бойко торговавших открытками. Его не ошеломил огромный павильон Индо-Китая — пагода с гигантским золоченым куполом и широкой лестницей. Он даже не взглянул на рогатую башню Мадагаскара и ничуть не удивился, что авеню французских колоний упирается в павильон колониальной армии. Только наивные посетители могут подумать, что здесь просвещенным колонизаторам было бы уместнее построить храм культуры и цивилизации. Но майор не был наивен. Завоевать колонии и управлять ими можно только при помощи штыка! — под этим девизом он прожил всю свою жизнь.

Зато с напряженным вниманием вглядывался он в каждую диаграмму, показывавшую, сколько у Франции в колониях каменного угля, каучука, руды, нефти. Сколько рабочих рук и сколько цветных солдат. Майор даже вздрогнул, прикинув в уме, что не меньше трех миллионов здоровых туземцев Франция может поставить под ружье.

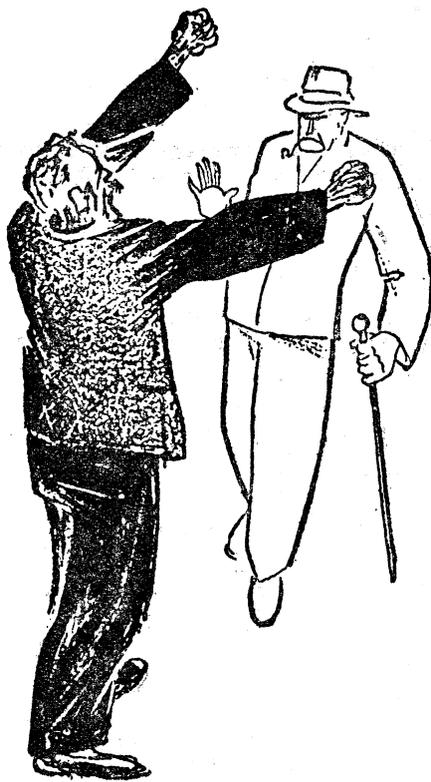
Подавленный этими мыслями майор рассеянно остановился возле павильона Западной Африки. Здесь его хмурый взгляд встретился с диким взглядом какого-то оборванца, стоявшего в нескольких шагах от майора.

Охмелевший от суетни и гомона, одурманенный голодом, пестротой и богатством павильонов, Жан Питу обомшел выставку. Впервые за всю его жизнь он увидел великую Францию, богатейшую страну с неисчерпаемыми богатствами. Какие великолепные храмы, какие роскошные павильоны! Какая у него, Жана Питу, прекрасная родина!

Не даром опытные политики называли колониальную выставку могучим оружием борьбы против коммунизма.

Диаграммы показывали только процветание, но обходили молчанием страшный кризис, нависший над колониями. На фотографиях были выставлены только снимки с церквей и школ для туземцев, но ничто не говорило о миллионах колониальных народов, работающих из-под палки на французских плантациях. На выставке было слишком много списков подвигов, но ни одного списка преступлений. Всякий пришедший сюда должен был упасть на колени перед гением французской колонизации, которая создала для туземцев такую прекрасную жизнь. Это была Франция в розовых очках.

Даже голодному инвалиду, который еще час назад корчился в припадке лихорадки, выставка одурманила голову. Острый, возбужденный взгляд Жана Питу уло-

вил, что стоявший рядом с ним человек — иностранец, приехавший полюбоваться его родиной из чужих краев. Шатаясь и размахивая руками, как пьяный, Жан

Питу широко взмахнул рукой и крикнул майору:

— Смотрите, это моя Франция!

Майор отступил на шаг назад, бросив на оборванца возмущенный взгляд. Но Жан Питу уже ничего не помнил.

— Это моя родина! — кричал он восторженно. — Под этим павильоном, у которого мы стоим, я дрался двадцать лет назад и получил медаль за храбрость. Мой приятель сержант прошел со своей ротой через весь Индо-Китай; я знавал ребят, которые побывали и в песках Сахары и в джунглях Конго. Это наша выставка, слышите вы! Я приведу сюда таких же инвалидов, как я, пускай они смотрят, какую огромную страну создали мы своими руками.

Жан Питу потряс тощими кулаками, обезображенными мозолями. Майор отступил еще на шаг назад и крикнул злобно, как птица, дергая подбородком:

— Прочь! Я не потерплю никаких угроз!

Вряд ли Жан Питу слышал его слова. Перед его глазами плыла туман. Недавний припадок тропической лихорадки и охвативший его сейчас приступ патриотизма сделали его безумным. Вокруг него уже сгрудилась толпа. Какие-то сытые молодцы с потными лицами подталкивали друг друга, глядя на сумасшедшего бродягу с всклокоченными волосами, с расстегнутой рубашкой, из-под которой виднелась впалая грудь.

— Смотрите все! — протягивал Жан Питу руки вперед. — Это все сделали я и мои товарищи по походам. Я здесь хозяин! Я сам поведу вас по выставке. — Жан Питу схватил майора за руку, но тот резко дернул плечом и инвалид упал на песок.

Когда он с трудом поднялся, майор что-то говорил подошедшему полицейскому.

— Именно так, именно так, — подобострастно кивал головой полицейский. Он схватил Жана Питу за костлявый локоть и потащил с главной аллеи, ворча:

— Таким бродягам надо бы вообще запретить сюда вход.

Жан Питу испуганно съехался. Значит Франция, которую показывают здесь, не его, а чья-то чужая. Кто-то другой владеет этой великолепной страной. Ему же достались только лихорадка и медаль за храбрость. Но кому отдавал он свою храбрость, для кого гнил в африканских болотах? И не он один, а его товарищи, которых посылали сражаться и умирать во славу Франции? Будь она проклята, эта чужая родина!

В ДЕНЬ АШУРЫ

Ф. Львович

Рис. И. М. Ец

Ярко-синее, без единого облака небо и серая однотонность плоских крыш и глухих стен были утомительны для глаз. Пони шая зелень садов не давала прохлады, сухая земля потрескалась и посерела.

Два месяца не было дождя. Горячий ветер гнал по улицам пыль, приносил дымный запах тлеющих кизяков, раскиданная кучей сваленный мусор. Печальный месяц Моххарем был в этом году еще печальнее и зловещее.

Бунтовали племена шахсевен, находившиеся на летних эйлагах в горах. Раньше изредка, потом все чаще и чаще они стали нападать на окрестные селения, грабили, угоняли скот. Их набеги делались все смелее, они все ближе придвигались к городу и угрожали ему. Накануне рано утром они угнали из селения Теза-Кенд, расположенного в шести километрах от города, весь скот. Испуганные жители, прибежав в город, уверяли, что повстанцы надвигаются.

Передавали слухи, как всегда, против речивые и дикие. Говорили, что всех мужчин запрут в крепость вместе с женщинами (военными) и офицерами, что уведут женщин и детей. Говорили также, что женщин и детей не тронут. Уведут только мужчин. Уверяли, что разрушат весь город, разграбят и разнесут базар.

Старики обвиняли во всем веротступников, не соблюдающих траура и ведущих дружбу с неверными, женщины, носящих европейское платье. Это они разгневали аллаха и нужно безропотно принимать его кару.

Военный губернатор (сартип) Мамедхан на запросы центра отвечал, что приняты все меры к усмирению мятежников. В течение ближайших дней банды будут ликвидированы и зачинщики повешены.

На площади перед крепостью была поставлена виселица. Но виселица пустовала.

Низами, высылаемые против мятежников, ничего не могли сделать. Офицеры докладывали, что шахсевены неуловимы, всегда предупреждены и всегда на-чеку. Забираться далеко в горы по малоизвестным дорогам было равносильно смерти. Повстанцы рассчитывали на эту ловушку и заманивали отряды. Но сартип медлил, полагая нанести решительный удар под самым городом.

Выслушав в крепости доклад нескольких офицеров, отдав распоряжения быть в полной готовности, сартип устало потянулся.

Положение становилось все напряженнее. Последняя телеграмма из центра в резкой форме запрашивала о причинах столь медленной ликвидации банд, делала неприятные намеки и сообщила о выступившей из центра на помощь воинской части.

Если на-днях все не будет кончено и кто-нибудь не будет болтаться на виселице, дело может принять сквер-

ный оборот для него, сартипа. Ненавидевший его сержант Наби-хан уже послал донос начальнику дивизии. Наби-хан указал, что еще совсем недавно сартип принимал у себя шахсевенских всажей и подолгу с ними беседовал. В доносе было умышленно не указано, что вожди эти принадлежали к мирным коленам шахсевен. Не этому ли свиданию приписывает начальник дивизии медленную ликвидацию банд?

За такие подозрения его уберут далеко от этого города. Уступить город Наби-хану? Никогда! Он сделает все, чтобы уничтожить мятежников и восстановить себя в глазах начальства. При приближении племен он сам будет во главе отряда, он расправится с виновными.

Позвонив и напомнив дежурному офицеру о мобилизации лошадей, сартип вышел из крепости.

Бесформенные шушукающиеся фигуры женщин боязливо жались к стенам. Громко разговаривали мужчины в накинутых на плечи аба и длинных сардари. Зеленые чалмы сейедов, белые чалмы мулл, одетые в траурные платья участники религиозных процессий. Дети в костюмах с позументами, блестящими пуговицами и аксельбантами — тоже участники процессий. Низами с траурными повязками на рукавах курсы. Дервиши с обнаженными головами и длинными, до плеч волосами — все двигалось, шумело и волновалось, охваченное священным трепетом.

Город проснулся.

II

Мешеди Юсуф был чарвадаром — погонщиком каравана.

Чарвадарами были его дед и отец, с детства Мешеди-Юсуф стал ходить с караванами.

В его мозгу запечатлелись бесконечные пустынные, сожженные солнцем дороги, вытянутый по ним длинный караван. Грузные лошади понуро выступали под тяжелыми вьюками, верно звенели колокола. Днем этот звон был томителен и однообразен, как знойный неподвижный воздух. Ночью, когда тьма была густа и таинственна, колокола звенели по-

Низами оттолкнул старика от лошади...

другому — мелодично, подбадривающе и мягко. Тогда чарвадары пели тягучие песни, такие же длинные, как зовущая их дорога.

Ночевки в караван-сараях в больших строгоненных дворах или просто в поле с другими караванами. Рассказы и жалобы чарвадаров. Крики верблюдов, жующих жвачку и медленно поворачивающих головы на длинных тонких шях. Они покорно опускались на колени, когда погонщики снимали с них груз. Вожак с пестрыми кистями и бусами на голове важно осматривал караван, двигая отвесными губами. Тяжелые мучительные переходы зимой по занесенным снегом тропам в вьюгу и холод.

Все это впитал в себя с детства Мешеди Юсуф все это стало для него обычным, необходимым и неминуемым. Дед и отец его были бедняками, не имели своих лошадей и нанимались погонщиками к богатым хозяевам, владельцам вьючных караванов.

Судьба Мешеди Юсуфа была также безрадостна. Обремененный большой семьей, он тоже работал у хозяина на его лошади. Только на старости лет ему удалось скопить тяжелые заработанные гроши, оторванные от каждого куска хлеба, и купить себе лошадь. Лошадь была старая, с выщипанным коротким хвостом и добрыми глазами, покорная и забитая.

В месяц Моххарем Мешеди Юсуф каждый год в день ашуры шел с процессиями, биющими себя. Голова его

была изрезана многочисленными шрамами. Сам не принимавший участия в самобичевании, Азими нанимал Мешеди Юсуфа и вечером присылал ему тарелку душистого плова.

С головой, завязанной белой тряпкой, бледный от потери крови, Мешеди Юсуф ел с семьей плов и высчитывал, сколько дней он проживет на два крана.

Вечер спустился над городом, окутывая его душной темнотой. Мешеди Юсуф вышел из своего домика и, перейдя мост, пошел к площади Ала-Капу. У крепости он задержался, пропуская отряд низами.

Красноватый свет факелов, воткнувших в длинные палки, выхватывал отдельные лица военных, рисовал чудовищные тени. Две маленькие, почти игрушечные пушки, удлинённые своими пляшущими тенями, были угрожающе и громоздки.

Пройдя сторонкой, Мешеди Юсуф пересек площадь и пошел дальше уже охваченный дрожью от выкриков, от звона цепей, от горячих огней, от всего изменившегося вида города.

Приближаясь к Ала-Капу, он вспомнил, что на площади можно встретить служащего купца и столкнуться относительно ашуры. Мешеди Юсуф, как всегда, хотел заменить богача в процессии.

У широко раскрытых дверей чай-хане толпа слушала дервиша.

Высокий старик с небрежно накинутым на плечи плащом прижимал к груди сосуд из скорлупы кокосового ореха, до половины наполненный мелкими монетами. Гордо откинув назад седую голову, монах пел стихи Саади.

Глядя на толпу сверху вниз, монах, казалось, весь ушел в пение. Но зоркий глаз следил за всеми верующими, и голова чуть заметно наклонялась, когда в сосуд опускалась монета.

Посредине площади сидел на коврикe роузе-хан—рассказчик, так тесно окруженный, что виднелась только его белая чалма. Роузе-хан плача рассказывал предание о смерти имама Гусейна. Толпа плакала вместе с ним протяжно и неестественно. Но роузе-хан торопился. Он собрал деньги у верующих и спешил в дома богачей. Его звали тула рассказывать предания на половину женщин, не выходящих в толпу на базар.

Мешеди Юсуф дал несколько монет роузе-хану. Вытерев слезы, он стал разглагольствовать служащего Азими.

Тот сидел в предпоследнем чай-хане на ковре и глотал крепкий чай.

— Здравствуй, Ага! — сказал Мешеди Юсуф, стоя у двери. — Как твое драгоценное здоровье?

— Какое здоровье в такой печальный месяц? — ответил жирным голосом пишхедмет и, кивнув головой, протянул Мешеди Юсуфу чубук.

Затянувшись чубуком, Мешеди Юсуф сказал с благодарностью:

— Да благословит тебя аллах, Ага, за твою милости ко мне. Будь великодушен, поговори с твоим господином относительно ашуры. Я готов, как каждый год.

— Я поговорю, Мешеди, — растягивая слова и смазывая их маслом своего жирного голоса, ответил пишхедмет. — Мой господин, да продлится его жизнь, и я, его раб, сочувствую твоей бедности, Мешеди. Ты хорошо

рассекал себе голову в прошлом году и постарайся в настоящем.

Успокоенный и довольный Мешеди Юсуф вышел из чай-хане.

В узком темном переулке он присоединился к толпе, идущей к источнику вслед за процессией, секущей себя цепями.

Длинной шеренгой по-двое в ряд шли люди в черных балахонах, глубоко вырезанных сзади. Держа в левой руке маленькой фонарик, они ударяли правой по обнаженной спине вдвое сложенными цепями.

III

Мобилизация лошадей началась на следующий день утром. Опять улицы, накаленные солнцем, были неподвижны. Но фыркание и ржание лошадей, преледых низами в крепость, цоканье копыт и окрики наполняли жителей тревогой.

Ночью в процессиях и в толпах, одурманенные фанатизмом, они чувствовали себя непобедимыми и сильными. Но теперь они теряли веру в свои силы. Близость мятежников казалась им страшной и непреодолимой.

Был полдень и Мешеди Юсуф совершал намаз. Стоя на коленях на маленьком коврикe лицом к востоку, он читал молитву и низко кланялся, касаясь лбом пола.

Резкий стук в дверь заставил его насторожиться, но он не двинулся с места. Молитву нельзя было прервать, дверь же была не заперта. Стук повторился еще настойчивее, потом дверь сильно рванули и на пороге появилась фигура низами. Он как-то нерешительно отделился от двери, как будто боялся потерять точку опоры. Потом, странно шурша ногами по глиняному полу, подошел к молящемуся и остановился покачиваясь.

Мешеди Юсуф продолжал молиться. Глядя на него в упор воспаленными глазами, низами вдруг наклонился и, чуть не ударившись лбом в лицо Мешеди Юсуфа, крикнул:

— Ну, долго я буду ждать?

Мешеди Юсуф почувствовал отвратительный запах ядовитой водки джиджи. Лицо низами было багрово-красное.

— Некогда мне ждать с твоими молитвами, — сказал он отрывисто. — Давай лошады!

Мешеди Юсуф побледнел.

— Зачем тебе моя лошадь?

— Зачем лошадь, — заплетающимся языком пробормотал низами и вдруг охваченный злобой толкнул Мешеди Юсуфа в грудь. — Зачем лошадь? Нужно! Сартип приказал брать лошадей, а он спрашивает зачем. Ты со своими молитвами все проворонил, старый дурак!

— Не кощунствуй, Али-хан, — проговорил Мешеди Юсуф. И затем, стараясь быть спокойным, добавил: — Не может быть, чтобы нужна была моя лошадь. Она старая и слаба ногами. Она единственная...

— Довольно разговоров! — заорал низами. — Все нужны — и старые и молодые. Ты хочешь, чтобы я сам взял!

Он пошатываясь пошел к дверям.

На маленьком грязном дворике под навесом стояла лошадь. Она шевелила некрасивыми длинными ушами, отгоняла мух, и переминалась с ноги на ногу.

Низами, не говоря ни слова, отвязал лошадь от столба, накинул ей на шею веревку и стал тянуть.

Сразу осознав все, чему он еще не верил, Мешеди Юсуф закричал срывающимся голосом:

— Подожди, не бери лошадь. Она одна меня кормит. Я сам пойду к сартипу, я выпрошу у него эту милость.

Он бежал, цепляясь за руки низами, но тот не отвечая шел вперед с пьяным упорством.

Улица была пуста, но из-за полуоткрытых калиток, привлеченные криками, выглядывали женщины. Из переулочка спешили к дому Мешеди Юсуфа несколько мужчин.

— Мне нечего есть, у меня дети, — молил Мешеди Юсуф. Именем аллаха, именем Хезрете Аббаса прошу тебя — отдай лошадь, — он схватил лошадь за веревку, а другой рукой, дрожащей и слабой, уперся в грудь низами.

Низами толкнул Мешеди Юсуфа, вырвал веревку и задыхаясь крикнул:

— Не вой, собака. К чорту! К чорту тебя с Хезрете Аббасом!

Тихий стон пробежал между женщинами у калиток. Низами оскорбил святого Хезрете Аббаса.

Собиралась толпа. Мешеди Юсуф прислонился к стене. За стеной плакала его жена. Дети, выйдя на улицу, цеплялись за его руки.

Низами сделал несколько шагов вперед и вдруг остановился. Люди видели его лицо с вытаращенными, налившимися кровью глазами. Он задыхался и свободной рукой разрывал воротник куртки. Потом, сделав еще два шага, он выпустил веревку, повернулся на месте и упал на землю. Фуражка скатилась с его головы. Один глаз прищурился, другой, огромный, казался стеклянными. Багровое лицо приобрело землистый оттенок. Он не двинулся.

Лошадь, опустив голову, обнюхала его, потом отвернулась и закрыла глаза.

Рокот пробежал по толпе. Женщины, как улитки, начали выползать из-за калиток и придвинулись ближе.

Мужчины тесно обступили тело. Низами был мертв.

Сквозь толпу Мешеди Юсуф подошел к покойнику, посмотрел на него невидящими глазами, положил руку на шею дремлющей лошади и тихо заговорил:

— Братя, этот человек пришел ко мне, когда я молился. Он насмеялся надо мной. Кощунственными словами он обозвал Хезрете Аббаса. — Мешеди Юсуф остановился, голос его срывался. — Братя, богохульник лежит недвижим. Его отшвырнуло от лошади, за которую заступился святой Аббас.

Не обращая внимания на мертвого низами, люди теснились вокруг лошади. Старались заглянуть на ее опущенную голову, коснуться ее впалых боков. Какая-то женщина, высунув из-под покрывала желтую исхудалую руку, старалась дотянуться до хвоста лошади и вырвать волос.

Тогда из толпы выделился мулла.

— Женщины, — сказал он повелительно, — это правда, что лошадь святая. Хозяин ее Мешеди Юсуф — теперь почтенный и уважаемый человек. Но вы глупы и неразумны. Я запрещаю вам трогать здесь святое животное. Его вечером проведут по всему городу. Завтра лошадь поставят в новую ко-

нюшно. Вы можете приходить туда. За деньги вы получите по кусочку волоса. Деньги пойдут на постройку новой сакка-хане во имя святого Аббаса. — И повернувшись к Мешеди Юсуфу, прибавил: — Уведи лошадь и пойдём в мой дом. Мы потолкуем с тобой, уважаемый Мешеди Юсуф Ага, да продлится твоя жизнь!

Толпа редела. На залитой солнцем улице лежало неподвижное тело Али-хана. Несколько мух ползало по его лицу. Одна села на глаз. Из переулочка спешили военный врач и низами с носилками.

Через два часа, разбирая принесённые адъютантом бумаги, сартип прочитал рапорт военного врача о смерти рядового низами Али-хана. Красным карандашом он подчеркнул слова: «...систематическое пьянство вообще и нетрезвое состояние низами Али-хана в настоящий день, при температуре воздуха 40 градусов на солнце, имело своим следствием третий апоплексический удар, вызвавший моментальную смерть».

Вечером лошадь была проведена по городу под оглушительный визг флейт и бой барабанов. Дорогая керманская шаль покрывала ее бока. Страусовые перья украшали голову. Повод серебряной уздечки извивался по шее, сверкая насечкой и блестками.

Рядом с лошадью шел мулла и Мешеди Юсуф в новой аба и шапке. Прекрасная сытая жизнь ждала его впереди.

IV

Удар шахсевенам был нанесен решительный и острый.

Отъявленные удачами, они неожиданно натолкнулись на большие отряды низами, подкрепленные частями из центра. Повстанцы растерялись. Потеряв много бойцов, они начали отступать, прибегая к своей обычной тактике: расеяться в горах. Но низами, помня обещанные денежные вознаграждения, двинулись за повстанцами.

На третий день к вечеру отряды вернулись. За ними понуро плелись пленные, босые, в высоких шахсевенских шапках.

Между двумя низами на хорошей лошади ехал главарь банды.

Сартип стоял перед своей палаткой и чувствовал себя опять бодрым и сильным. Завтра он сообщит в центр о благополучном окончании похода. Мятежники будут отправлены туда немедленно для расправы. Главаря же повесят публично на площади. Так давно поставленная виселица украсится наконец трупом мятежника! Наби-хан проиграл.

Сартип вошел в палатку и усталю опустился на ковер. Жизнь начинала входить в привычную колею. Явился офицер с докладом. Он был черен от солнца, пылен и измучен. Но голос его радостно дрожал, когда он начал докладывать:

— Это было вчера в сумерки. Узкие обрывистые тропинки кончались пропастью. Мы догоняли бандитов. Они видели, что им нельзя уйти и, побросав лошадей, начали ползком, цепляясь за кустарник, лезть вверх по горам. Мы стреляли и снимали их, как букашек. Особенно следили мы за вождем, чтобы взять его живым. Он не хотел бросать свою лошадь и ехал рядом с другим бандитом по тропинке. Поворот скрыл их из наших глаз. Потом мы

увидели только главаря. Его товарищ, бросив лошадь, лез по отвесной скале. Нам было не до него. Нам нужен был вождь. Тропинка расширилась, и нам удалось перерезать ему дорогу. Он здесь, дженаб сартип, вместе с другими бандитами, — заключил гордо офицер.

Вождя ввели. При слабом свете маленькой лампочки сартип увидел коренастого человека лет тридцати пяти. У него были красивые, выразительные глаза. Лицо очень смуглое, с резко вы-

— Я не вождь, — сказал пленник...

деляющимися скулами. Он казался незначительным и жалким перед крупной фигурой сартипа. Стоял, опустив голову и сложив перед собой руки.

— Ну, что ж, поздравляю тебя с вступлением в город, — насмешливо процедила сартип.

Пленный молчал.

— Такого большого человека, как ты, мы устроим с удобствами. Раньше в отдельном помещении, потом на большой площади.

Мятежник вздохнул, опустил по швам руки, но ничего не сказал. Сартип начинал раздражаться.

— Поднимать восстания, итти против шаха. Мерзавцы! Как твое имя? — уже кричал сартип.

Вождь поднял голову и, глядя в сторону, тихо ответил:

— Искендер. И я не вождь. Я — конюх.

— Это неправда, дженаб сартип, — испуганно сказал офицер. — Мы захватили вождя. Скрылся его товарищ.

Шахсевен чуть повернул голову в сторону говорившего и повернулся к сартипу.

— Разрешите мне говорить, господин. Я ехал рядом с моим господином, он так мне всегда приказывал. Было уже почти темно. Низами нас догоняли. Когда мы завернули за гору и скрылись от глаз отряда, мой господин сказал:

«Садись на мою лошадь, Искендер, и поезжай дальше. Я уйду в горы». Он начал карабкаться по скале, а меня схватили низами. Я — Искендер, конюх. Все шахсевены это знают и могут подтвердить. — Он замолчал и опять опустил голову.

Сартип задыхался. Половина триумфа померкла. Нельзя же повесить конюха, он такой же рядовой член банды, как и остальные. Нельзя повесить всех.

— Ты хочешь, чтобы я поверил этой сказке. Врешь! — сартип вплотную подошел к шахсевену и, тяжело дыша ему в лицо, схватил за сардари. — Врешь, собака!

Опрошенные шахсевены признались в бегстве вождя и подтвердили, что Искендер Ага — конюх. Но сартип не хотел уступить. Ошибка была слишком постыдна. Подхваченный и раздутый Наби-ханом рассказ о бегстве вождя мог повредить сартипу.

Ночью он долго совещался с офицерами. Было решено посадить Искендера Агу в крепость и никого к нему не пропускать. Выдавать его за вождя и, отправив остальных пленных в центр, публично повесить на площади.

Искендер Ага был заключен в крепость. Глашатаи в городе и на базаре объявили, что через три дня он будет повешен на площади. Имя сартипа Мамед-хана повторялось на тысячи ладов.

V

Ашура прошла.

Много новых шрамов покрыли головы верующих. Пятеро человек, пришедших в священный экстаз, рассекли себе головы и скончались под крики людей и завывание флейт.

Мешеди Юсуф не бичевал себя в этом году. Он отказался от чести, оказанной ему богачем Азими. Другой бедняк получил от Азими деньги и плов. Мешеди Юсуф сидел с почетными людьми на крыше дома на площади Ала-Капу. Он смотрел на процессии и сердце его радостно билось. Вместо него сек себе голову нищий Баба.

У Мешеди Юсуфа был теперь чистый дом, сытная пища, новая одежда для жены и детей. Его называли Мешеди Юсуф Ага. Он ходил в гости к уважаемым купцам и сам сартип поздоровался с ним за руку.

Лошадь святого Аббаса в короткое время перевернула все в его убогой жизни. Она стояла в светлой конюшне, покрытая шелковой сеткой от мух. При ней был специальный конюх.

Каждый день много людей — мужчин и женщин — приходили в конюшню. Они приносили шай и краны и получали по кусочку волоса или мяткой шерсти. Многие приходили, чтобы прикоснуться к лошади частью тела, пораженной болезнью. Многие приходили смотреть. Но за все надо было платить.

Мешеди Юсуф сначала верил, что Хезрете Аббас явил чудо, оттолкнув и умертвив низами Али-хана. Но мулла, хитро поблескивая глазками, разъяснил Мешеди Юсуфу все происшедшее.

— Нам нет дела, отчего умер Али-хан. Лошадь, как лошадь. Почему ей не стать святой. Если ты слушаешь меня, Мешеди Юсуф, ты не будешь в обиде. У нас не будет недостатка в деньгах.

Дни шли за днями, спокойные и сытые. Серебряные монеты одна за дру-

гой опускались в кожаный мешочек. Мулла довольно покрякивал. Лошадь святого Аббаса, забыв о тяжелых вьюках, мирно доживала свой век.

Но как-то раз Мешеди Юсуф, зайдя утром в конюшню, нашел лошадь неподвижной. Раскормленная и отяжелевшая она околела, прожив трудную долгую жизнь, сломившую ее под конец своим благополучием.

В одно мгновение весь ужас нужды, недоедания и тяжелого труда воскрес перед Мешеди Юсуфом. Задышавшись бежал он в дом мุลлы.

Мулла спокойно выслушал новость и покровительственно похлопал Мешеди Юсуфа по плечу.

В этот день конюшня была заперта. На следующий день лошадь святого Аббаса стояла в конюшне, покрытая шелковой сеткой от мух. У нее был немного длиннее хвост и она пугливо шарахалась от толпы верующих.

V

Сартип сейчас же после ашуры отправил в центр пленных бандитов. Искендер Ага, заключенный в крепость, должен был быть назавтра казнен.

Тщательно оберегаемый от внешнего мира, он видел только одного низами, верного слугу сартипа, приносящего ему пищу. На все его вопросы низами отвечал упорным молчанием. Тщетно шахсевен добивался свидания с сартипом. Только накануне казни низами сообщил, что Мамед-хан согласен выслушать приговоренного.

Измученный и похудевший стоял шахсевен перед сартипом, как всегда сложив перед собой руки и опустив голову.

— Что тебе надо? — спросил сартип.

— Господин, неужели ты прикажешь меня повесить? Я виновен не больше остальных пленных, — проговорил Искендер Ага, и голос его задрожал.

— Да, завтра в полдень тебя повесят. Ты вождь и ты заслужил виселицы, — ответил громко сартип, не глядя на шахсевена.

Шахсевен вдруг рванулся вперед и быстро заговорил срывающимся голосом:

— Ты знаешь, что я — конюх, господин. Ты хорошо знаешь.

— Я ничего не могу изменить в твоей судьбе, — сказал сартип. — Сегодня вечером тебя поведут в баню. У приходи тебе ужин с моего стола — таков обычай. Молись аллаху и проси его простить все твои прегрешения.

С утра толпа заполнила площадь перед крепостью.

Мужчины, старые и молодые, подростки и дети.

Женщины плотной шушукующейся массой заняли левый угол площади. Забитые и задавленные серыми буднями, они с жадностью ждали минуты казни, дающей им новые неизведанные переживания.

Фотограф прилаживал перед виселицей треножник с аппаратом, пряча лицо в черную тряпку. По приказу сартипа казнь должна была быть сфотографирована.

Виселица с протянутой веревкой, оскалив ржавый крюк, ждала мятежника...

Через час все было кончено. Тело висело с вытянутыми по швам руками.

Для рыбной ловли вырубил на реке проруби...

БОЦМАН БЕГИЧЕВ

П. М. Устимович

Рис. А. Любимова

IV. Последняя экспедиция Бегичева

В 1924—26 гг. Бегичев промышлял зверя в тундре Туруханского края, а его семья проживала в Дудинке. Дудинский сельсовет обратил в это время к Бегичеву с просьбой организовать артель для добычи экспортной пушнины на средства сельсоюза. Бегичев немедленно приступил к снаряжению кооперативной артели «Белый медведь». В эту артель он пригласил туруханцев-русских Горина, Зырянова и Семенова и тунгуса Сапожникова. Позднее к ним присоединился дудинский житель Натальченко.

Отправляясь в эту экспедицию, Бегичев подал 4 июня 26 г. в Дудинский сельсовет особую записку: В ней он писал: «В окрестности р. Пясины и побережья океана по направлению к Диксону и по реке Пясине встречаются всюду табуны дикого оленя, множество песчаных гнезд и белых медведей. Все это говорит за то, что наша группа по всем данным должна с успехом выполнить возложенное на нее промысловое задание и будет служить в дальнейшем примером для всех промысловиков».

В среду 16 июня все пятеро, кроме Сапожникова, тронулись в путь из Дудинки. Сапожников был отправлен еще зимним путем с частью груза и лодками на станок Заостровье по р. Пясине и должен был их там ожидать.

В трех километрах от Дудинки истощенные олени стали падать. К тому же глубокий снег лишал их возможности найти подножный корм. До 18 июня группа сделала всего 8 км. На стоянке у Чупановской сопки было решено вернуться в Дудинку, так как выяснилась полная негодность оленей.

В Дудинке получили мандат на имя пастуха Яддигира Капитона на выдачу группе 30 голов хороших мощных быков из стада Енгостроя. Это стадо на-

ходило на подножном корму как-раз по пути следования артели.

Только через неделю достигли путешественники места стоянки стада Енгостроя и здесь Бегичев получил 30 хороших быков.

27 июня впервые почувствовалось дуновение весны. При сильном ветре и на солнце снег и лед быстро таяли и речки по пути вламывало. Но весна здесь, за Полярным кругом, своеобразная. Через два дня группа попала в такую темную снежную пургу, что пришлось остановиться. Путь становился все тяжелее. Благодаря проталинам нарты шли по голой земле. При таких условиях покрывали в день не более 4½ км.

На 24-ые сутки, 8 июля, путники добрались до р. Половинки, притока Пясины. Отсюда им предстоял более легкий путь на лодке по течению р. Пясины. Кончились мучительные переходы на истощенных оленях по обнаженной от снега земле.

13 июля на двух лодках пошли вниз по Пясине.

На другой день приехали в станок «Кресты». Здесь их ожидало все население нескольких чумов.

У «Крестов» Бегичев увидел поставленный им в 1822 г. приметный знак у впадения р. Дудинки в Пясину.

На другой день, 15 июля, доплыли до чума туземца Гаврила Левницкого (Карбешаман), морочившего наивных людей своим шаманством. Он их угостил чаем и подробно расспрашивал о цели путешествия. Отсюда они взяли молодого туземца Якова Анциферова для того, чтобы он провел их лодку тихими протоками к устью р. Агапо, впадающей в Пясину. Отсюда группа двинулась дальше к северу.

В пути их застигла сильнейшая буря. Встречный ветер тормозил движение

и угрожал захлестнуть лодку. Пришлось укрыться в устье какой-то маленькой речушки.

В устье р. Торси возле астрономического знака, поставленного в 1921 г., остановились, наловили рыбы и опять двинулись дальше.

Увидев на берегу какие-то чумы, Бегичев приказал лодкам на авить к ним. Возле чумов сустились люди, повидому напуганные внезапным появлением лодок. Люди стали складывать свое имущество в нарты с явным намерением уйти вглубь тундры. Однако быстрое течение и попутный ветер прибили лодки к берегу раньше, чем туземцы успели уехать.

Чумы оказались принадлежащими самоедам Бигилю и Дюфадэ Касторкину. Хозяева и члены их семейств застыли на месте с испуганными лицами и видимо чувствовали себя очень неуверенно. Однако на вопрос Бегичева они очень дипломатично ответили, что их намерение уехать только случайно совпало с приходом лодок, и пригласили всю группу пить чай.

Во время очень натянутой беседы Натальченко задумал сделать фотографический снимок чума и стада оленей. Опять поднялось смугление. Все засуетились, оленей сейчас же угнали и снимка сделать не пришлось.

В дальнейшем пути пришлось остановиться на пять суток в ожидании, когда прекратится шторм, очень опасный, так как плес Пясины в этом месте очень широкий и противоположного берега ее совсем не видно.

Праый берег Пясины вдоль хребта Бырранга очень живописен своим суровым пейзажем. Каменные громады точно пытаются загородить путь многоводной реки к Ледовитому океану. Река огибает нарможденные камни с шумом и ревом.

2 августа сделали привал на каменистом острове посреди реки. До студеного моря оставалось всего 25 км. В этот же день вечером достигли океана. Впереди маячила безбрежная гладь и простор. Остановились на ма-

вами Моржевыми и Расторгуева на левом берегу Пясины нашлось удобное место, возле которого валялось много плавника.

К постройке избы из собранного на берегу плавника приступили 12 августа.

23 августа приехал ненец Горнок, предупредив, что дня через два собирается идти в Дудинку, предложил отвезти письма. Бегичев отправил с ним обширное сообщение в Дудинскую факторию сельсоюза. Извещая о всех производимых работах — постройке дома, устройстве 66 пастей, он пишет, что предполагает устроить баню, 3 хозяйственных и охотничьих барака и поставить 200 ловушек.

«И вешаем вас о мясных и рыбных продуктах. Оленьего мяса у нас имеется достаточно и очень жирного (на ладонь 2¼ вершка жира), добываем быков по 5—9 пудов. Таким образом можно приготовить тысячи пудов мяса. Пушаем пушнину и смотрим, через час вынимаем 50—60 штук разной рыбы — нельмы, максун. Песцов уродилось очень много. В расстоянии двух км от избы имеется гнездо с 15 маленькими и таких гнезд много. Конечно сообщить вам о предстоящем сезоне определенно мы сейчас еще не можем, но по всем данным промысел должен быть крупный».

Кончат свое послание Н. А. обещанием весной 27 г. сообщить о результате промысла телеграммой с Диксона.

Спустя несколько дней Бегичев, Натальченко, Сапожников и ранее присоединившийся к ним Маньчи отправились на лодке на Каменный мыс по направлению к Диксону, км в 30 от дома, ставить пасник и ловушки. С этим делом они справились быстрее чем думали и вернулись ранее предполагаемого времени.

30 августа провозжали бесчисленные табуны диких гусей и лебедей в теплые страны. Ломаными и вытянутыми линиями неслись вереницы птиц по холодной светлой лазуре полярного неба на юг с тем, чтобы с первым теплым солнцем весной опять вернуться к этим диким пустынным тундрам.

снежный шквал, приостановивший всю работу на воздухе. Как только буря утихла, занялись охотой на оленя. 12 сентября при морозе в 4° начался сплошной снегопад, покрывший всю тундру белым саваном. На реке показались сало (шуга) и вскоре устье Пясины покрылось льдом.

Натальченко и Сапожников отправились как-то на санках в устье р. Пясины на 5 дней с пушалинами половить рыбу. Поставили палатку и опустили в прорубь пушалины. В это время поднялась такая пурга, что всю палатку занесло снегом. Пришлось забыть о рыбной ловле и зарыться в меховые мешки. Температура в палатке снизилась до 5°.

Занялись домашней работой. Поделили все ловушки на 2 части: 111 на западной стороне от избы были предоставлены наблюдению Бегичева, Зырянова, Горина и Семенова, а 66 — на восток были вверены Натальченко и Сапожникову. Самые дальние ловушки были установлены в 26 км от избы. Нужно было периодически осматривать ловушки, вынимать попавшего зверя, складывать снятые шкуры в ближайшем чоломе — бараке. Затем нужно было насторожить ловушку на новую добычу. В удобное время добытая пушнина свозилась из чоломов в общий чолом к избе.

В одну из таких поездок на собаках Натальченко по пути застигла пурга. Он совершенно сбился с пути. Тогда он предоставил полную свободу передовому псу «Зягре». Через 4 часа собака сама разыскала дорогу к промысловому чолому, где его ожидал Сапожников.

Дома их ждало торжество: без них была поставлена из глины русская печь. Напекли из семян хлеба.

В конце октября несколько раз по несколько суток свирепствовала пурга. Изба была засыпана в уровень с крышей. Чтобы выйти на воздух, пришлось вылезть в окно и, провалившись в глубокий снег, рыть в сугробах траншеи. Эта работа потребовала несколько дней.

С 10 ноября не стало дневного света. Работали по дому при свете керосино-

Натальченко предоставил отыскивать дорогу собакам...

леньком островке, где в 1923 г. был поставлен знак и где сохранились развалины избы. Кругом по безбрежной тундре виднелись тысячи гусиных гнезд.

Переночевав на острове, на другой день начали осматривать местность в поисках места под постройку дома. На высоком берегу океана между остро-

Приближались первые осенние снежные бури, а затем мрачная ночь, во время которой всякая жизнь в тундре замедляет и бьшуют метели.

1-го сентября окончили крышу на доме, положили на нее все имевшиеся листы железа и обложили дерном. Железа хватило едва на одну треть крыши. 3 сентября разразился первый

вой лампы. Ездили по ловушкам собирать пушнину, ловили в прорубях рыбу, а по вечерам собирались за столом на беседу. Натальченко обучал Сапожникова грамоте. Читали случайно захваченные книги. Бегичев рассказывал об экспедиции Толля, об открытом им острове, о путешествиях к полюсу Норденшельда, Нансена, о наших поляр-

ных путешественниках — Лежнев, Минин, Беринг, Вилькицкий, Седов, Брусилов, Русанов.

Продуктов было мало, но тем не менее решили в продуктах не стесняться, так как в полярную ночь при слабом питании легко заболеть цингой. По расчету продуктов должно было хватить до наступления светлой поры. А тогда можно съездить за продуктами на Диксон.

Унылое однообразие полярной ночи порою оживлялось северным сиянием, когда огни сполохов переливались всеми цветами радуги. Морозы стояли по сравнению с востоком Сибири умеренные — ниже 45° не было. Но дожимали пурги, свирепствовавшие иногда по несколько суток. В такие дни приходилось сидеть дома, играть в карты или шахматы.

Влияние полярной ночи особенно неблагоприятно сказывалось в первое время на Зырянове и Горине. Они затосковали. Но Бегичев был всегда бодр и в минуты уныния быстро заинтересовывал своих товарищей рассказами о своих приключениях во время кругосветных плаваний в качестве матроса-инструктора на гробном судне «Герцог Эдинбургский».

В беспросветную полярную ночь в экспедициях, заброшенных надолго в ледяные пустыни, даже среди людей, чрезвычайно дружно расположенных друг к другу, нередко возникают трения и столкновения. Слишком тесна в эту унылую тьму здесь жизнь и слишком уж часто и подолгу одни и те же лица перед глазами. Если к этим общим причинам и условиям обстановки присоединяется еще недоедание и отвратительная сырость, при которой человек никогда не чувствует себя сухим, почва для недоразумений конечно очень благоприятная. Об этих столкновениях в дневниках и устных воспоминаниях членов артели, с их слов записанных мною, ни слова, но они чувствуются.

7 декабря Зырянов пошел пешком к прорубям — проверить пушальны, а позднее за ним следом выехал Семенов. Оба должны были вернуться вместе. К концу дня Зырянов возвратился без всякой рыбы, объяснив, что никак не мог дожидаться Семенова.

Озабоченные участью последнего, Зырянов, Сапожников и Натальченко пошли его разыскивать. Сразу установили, что Семенов взял неверное направление. Следы его нарты повели в противоположную сторону к морю. Долго бродили, разыскивая его, стреляли из ружей, но, боясь заблудиться, вернулись домой и зажали факел из намоченной керосином пакли. Уже поздно вечером вернулся Семенов, голодный, прозябший. Вывез его все тот же ездовой пёс «Зягре».

Беда была когда пурга застигла их в дороге. Так 25 декабря, осмотрев ловушки, Натальченко и Сапожников возвратились к дому. На пути поднялась жуткая метель с юго-востока. Пришлось зарыться с собаками в снег. В снежной яме провели они ночь. Утром пурга не унималась. Надо было на что-то решаться. Остаться в яме означало все равно погибнуть и потому постановили идти по компасу, оставив пушнину у места ночевки. Так, ведя собак, выбрались они на знакомое место, а оттуда и к дому. Оказалось, что они блуждали врасстоянии не более 5 км от избы.

В воскресенье 2 января 27 г. впервые блеснул на короткий миг дневной свет. Это радостное событие ободрило наших путешественников. 18 января впервые сидели без огня при дневном свете

в течение 1½ часов. При этом свете все заметили, какие они стали зеленые, на лицах не было ни кровинки.

В начале февраля сырость в помещении от усиленной топки стала невыносимой. Все стены и койки, стоящие у стен, были всегда мокрые. Только одна середина избы была сухая. Здесь стоял стол с зажженной лампой, вокруг которого все усаживались за вечерней беседой.

Неблагоприятные условия жизни делали свое неизбежное и печальное дело: 21 февраля Бегичев и Зырянов обнаружили у себя первые признаки цинги: десны опухли и налились кровью. Бегичев уже некоторое время заметно недоумогал, но, боясь обеспокоить товарищей, упорно скрывал свое заболевание и все время исполнял невкоснительно все свои обязанности по обходу ловушек.

В солнечный день 26 февраля при 30 гр. мороза солнце уже заметно прогревало. Прозрачный воздух открывал широкие горизонты. Вдали виднелось безбрежное студёное море и, ослепительно блестя льдами на солнце, маячили вдали острова. Маленькие островки, освещаемые солнцем, приблизились и казались громадными.

С продуктами становилось совсем плохо. 29 марта съели последнее мясо. С этого дня перешли на один хлеб, но и его было немного. Между тем больные Бегичев и Зырянов требовали усиленного питания. В самом конце марта они почувствовали большой упадок сил и уже не выходили из избы.

Выяснилось, что продукты приходят к концу, не было ни жиров, ни сладостей. Нужны были противоцинготные средства. На совещании было решено отправить Горина и Натальченко на легке на собаках на Диксон с письмом от Бегичева к начальнику радиостанции. Вот это письмо: «Порт Диксон. Начальнику радиостанции. Дорогой товарищ! Покорнейше прошу вас принять посланных мною к вам. Прошу вас, если будет возможно, принять от них телеграммы, моя к вам просьба — примите. Еще раз покорнейше прошу вас, дорогой товарищ, если будет возможно, дать нам продуктов, моя к вам просьба: сахару 1 п. 20 ф., масла 20 ф., вкусовой эссенции, лимонной кислоты, глицеринного экстракта, пикнулей, консервированных фруктов, компота. Если вы сами отпустить для меня продуктов не можете, прошу снести самим по телефону с Сибирью. За отпущенные продукты постараюсь рассчитаться с приездом на Диксон. С приветом к вам Никифор Алексеевич Бегичев. 28/IV 1927 г. Ледовитый океан».

На другой день Горин и Натальченко снарядили легкие нарты и отправились на Диксон. Но по дороге их застигла такая снежная метель, что пришлось остановиться, чтобы переждать непогоду. Но пурга не унималась. С великим трудом передвигаясь вперед, путники убедились, что они не смогут преодолеть разыгравшейся стихии. Решили повернуть назад. На обратном пути их то засыпало снегом, то мочило дождем. 2 мая они вернулись обратно, не покрыв и 20 км.

Собрали опять совет. Положение становилось катастрофическим. Решили послать кого-либо одного совсем налегке. 4 мая Натальченко двинулся в путь на 4-собаках с самым ограниченным продовольствием для себя и собак.

Проехав 50 км, он остановился на 2 часа в развалинах старого зимовья, здесь подкрепился, покормил собак и

сейчас же тронулся дальше. Тут его настигла пурга. Как ни тяжело было собакам, все же Натальченко решил продолжать путь во что бы то ни стало.

В 7 ч. утра 8 мая он был уже на Диксоне и подъезжал к радиостанции, покрыв всего около 200 км.

Здесь все служащие еще спали. Но собаки Натальченко, окончив тяжелый путь и предвкушая близкий отдых и кормежку, подняли такой бешеный лай и визг, что все поневоле проснулись и высыпали на крыльцо станции. Узнав в чем дело, распрягли собак, дали им корма, а Натальченко наполнил чаем и покормили.

Начальник станции, ознакомившись с письмом Бегичева, сообщил, что сам он выдать продуктов не может и по телеграфу запросил Омск и Енисейск.

Прошло несколько дней, а разрешения все не поступало. Наконец 16 мая Натальченко попросил в виду исключительного положения и опасного состояния здоровья Бегичева выдать продукты, не выжидая запаздывающего разрешения. Лупьян согласился и снабдил Натальченко провизией и дал двух собак в помощь. Заложив всех 6 собак, Натальченко, не теряя ни минуты, выехал в 5 ч. вечера с Диксона. Все диксоновские ребята его провожали километра два.

Утром 19 мая, не доезжая 5 км до избы, Натальченко встретил Сапожникова, вышедшего на охоту. Тот передал ему печальную весть о том, что вчера, 18 мая, около 7 ч. утра, Никифор Алексеевич скончался.

В 7 ч. вечера Натальченко был уже дома. Зырянова он застал в очень тяжелом состоянии: он не покидал уже постели. По предложению Натальченко все привезенные продукты было решено оставить для больного.

Накануне своей смерти Бегичев разговаривал с Гориним, очень досадовал на свою болезнь и горевал на то, что ему не удастся исполнить заветной своей мечты — на лодке пробраться едоль берега Сибири в Америку.

Горину же Бегичев передал свои золотые часы, подарок Норвегии, которыми он очень дорожил, и просил передать их своему сыну.

Когда утром 18 мая Семенов подошел к койке Бегичева, он был уже мертв.

Натальченко снял с умершего фотографию. 20 мая Семенов и Сапожников вырыли могилу в слое вечной мерзлоты, на самом возвышенном месте у океана. Горин сделал гроб.

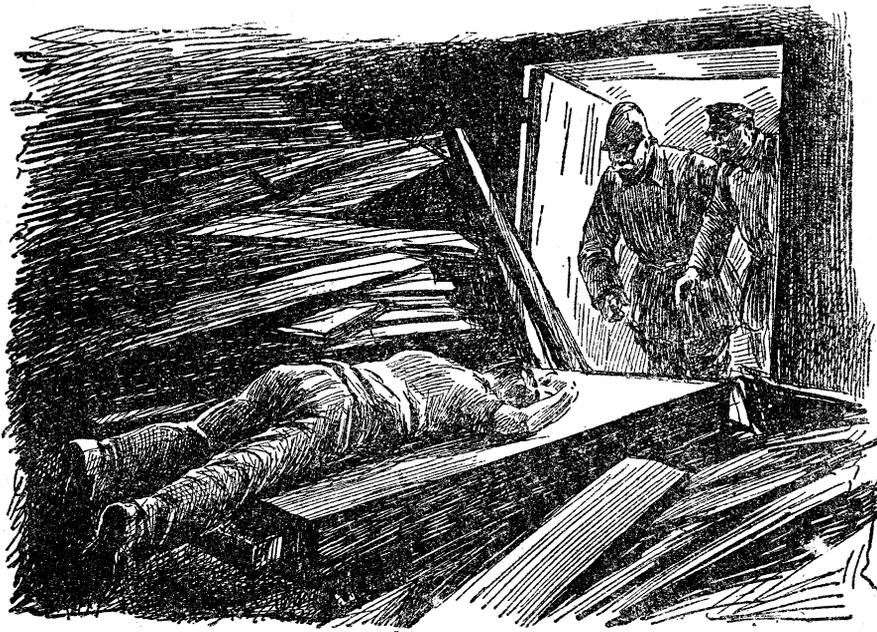
21 мая тело Бегичева положили в гроб, а 22 мая опустили в могилу. На могиле поставили деревянный крест надписью: «Под сим крестом покоится тело известного путешественника инициатора промысловой артели Никифора Алексеевича Бегичева, скончавшегося 18 мая 1927 г. 53 лет от роду».

Подкрепившийся привезенной провизией Зырянов стал быстро поправляться и 28 мая он уже смог выйти на охоту.

С прилетом гусей стали их стрелять в большом количестве. Запасов на зиму делать было не нужно, решено было вернуться домой. Пушнину поделили. Пай Бегичева выделили для вручения его семье.

Затем Натальченко поехал один на Диксон на разведки относительно парохода. Наконец 2 сентября на последнем пахор^о де все члены экспедиции выехали в Дудинку.

КОНЕЦ

Открыв дверь, пожарные увидели лежащего на тележке человека...

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

А. Бобырев

Рис. А. Медельского

Этот случай едва не стоил мне жизни. Я был послан на практику на лесопильный завод. Завод этот, занимающий территорию около 10 кв. километров, стоит на реке Волге, недалеко от города К. На всей территории завода высятся штабеля бревен и досок и только неширокие проходы между ними делают возможным сообщение между отдельными частями завода.

Низкое, приземистое здание, в котором помещались сушильные камеры и компрессоры-калориферы, находится в порядочном отдалении от главного корпуса завода. Рядом с сушильным отделением помещается сортировка, где вечно грохочут падающие с транспортера доски, поступающие сюда с пилорезных рам. Чтобы быть услышанным среди этого грохота, приходится повышать голос до крика.

Я работал в сушильном отделении и в мою обязанность входило изучение методов сушки пиленых лесоматериалов. Нагруженные досками тяжелые тележки-платформы вкатывались и ставились по две в особые глухие «сушильные камеры», где их прогревали сухим паром при температуре в 70° С. Проходя сквозь неплотно уложенные доски, пар забирал из них излишнюю влагу и высасывался воздушными насосами в калориферы, где высушивался и снова нагнетался компрессорами в камеры. Процесс этот продолжается от 3 до 7 суток. И вот однажды в памятный для меня день, осматривая готовую для сушки камеру, я прошел за доски, лежащие на платформах, чтобы последний раз взглянуть на приборы, отмечавшие температуру и влажность воздуха. Прodelав это, я повернулся, чтобы выйти, но случайно зацепился ногой за вделанную в пол решетку, за-

крывавшую отверстие паровой трубы. Падая я ударился виском о торцы лежащих на платформе досок и потерял сознание.

Очнувшись я первые несколько секунд ничего не мог понять. Я только ощущал, что дышу необычайно горячим, влажным, смолистым воздухом. Вокруг была чернильная темнота. Протянув руку, нащупал платформу и лежащие на ней доски. И в это мгновение я понял, что нахожусь в закрытой сушильной камере, в которую уже пустили пар. Вскочив на ноги, я оступая начал пробираться вдоль стены к выходу.

Добравшись до двери, я принялся изо всей силы стучать в нее кулаками и кричать. Голова гудела как колокол и перед глазами мелькали красные пятна. Разбив кулаки в кровь, я снял с тележки доску и начал колотить в дверь, но все напрасно. Дверь не открывалась. Обессиленный, с ободранными в кровь руками, я опустился у двери на бетонный пол. В тот момент я не мог понять, что меня никто не может услышать за двойными, в 4 дюйма толщиной, окованными железом дверьми. Кроме того двери герметически закрывались, а находящаяся рядом сортировка грохотала досками.

Сидя у двери, я пытался найти какой-нибудь выход. Но мысли путались и только было ясно одно, что я не выберусь отсюда живым. Дышать становилось все труднее и труднее, хотя внизу у самого пола, где я сидел, было «прохладнее» чем выше, к потолку. А вдруг мне удастся как-нибудь прекратить доступ пара в камеру? Собрав силы, я пополз к тому месту, где находились решетчатые отверстия паровых труб. Нащупав их, я снял с себя куртку

и прикрыл ею решетку, наваливая доски.

Теперь пар уже меру широким потоком сравнительно тонкой струей, это было не спасавшая передышка: в моих сооружениях, проходах, повышал минуту мог разбросать доски. Эта мысль пришла, заставила меня выбратья отсюда.

Не обращая внимания на жар, я начал сбрасывать от двери тележки и складывал их по обеим сторонам рельса, на которых стояла эта тележка. Сделав это, я снова растянулся на полу в полном изнеможении. Сознание ускользало. Моя голова казалась мне величиной с котел. Каждый стук или скрип доски отдавался мучительно-громко. Я жадно ловил воздух запекшимися губами, но в легкие проникал пар, вызывая приступы удушья.

Скинув с тележки последние несколько досок, я откатил ее к задней стене. Таким образом я выиграл метра два свободного пути между дверью и передком пустой тележки. Ухватившись за нее сзади, я толкнул ее вперед. Вагонетка всю тяжестью обрушилась на дверь...

Тяжелая дверь только дрогнула. Но я снова и снова повторял эту операцию. Ведь это был единственный выход. Наконец первая внутренняя дверь поддавалась. Засов выскочил из своих пазов и дверь приоткрылась. Раскрыться совсем ей помешала вторая такая же дверь.

Я жадно припал лицом к образовавшейся щели, надеясь сделать глоток холодного воздуха. Но там его не оказалось. Пар моментально заполнил промежуток между дверьми.

Я снова вцепился в тележку, снова принялся откатывать и обрушивать на дверь.

В самый разгар работы снаружи как гром прозвучал окрик: «кто там!» Своей неожиданностью он едва не свалил меня с ног. Я даже не мог ответить. Горло сдавила спазма...

Когда через неделю оправившись я вышел на работу, мне рассказали, как обнаружили мое присутствие в камере. Заперт там я был с 6 часов вечера, а в 7 часов утра проходивший мимо пожарник увидел, что из щелей в дверях одной из камер клубами вырывается пар. Он подошел узнать в чем дело и услышал, что кто-то изнутри колотит в дверь. Два раза крикнул «кто там?», но не получил ответа. Тогда он вызвал пожарных и с их помощью дверь была открыта.

Когда пар рассеялся, пожарные увидели у дверей тележку с лежащим на ней человеком. По сторонам рельсового пути, по которому ходят тележки, была навалена груда досок. Меня подняли и, положив на носилки, отправили в амбулаторию. Остальное известно. Впоследствии удивлялись, как я смог пробыть в «сушилке» 13 часов при такой температуре и откуда у меня хватило сил вышибить такую дверь. Но человек, попавший в такие условия, где от него зависит спасение собственной жизни, способен на все.

Матросы окружили лежбище котиков...

КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

Евг. Бывалов (Зюйд-Вест) *

Рис. С. Первунинского

С поразительной быстротой спущены на воду обе моторные лодки. Матросы скользнули по шлюпочным талям, капитан Хэдлей последним. Мерно покачиваются на пологой волне легкие алюминиевые шлюпки.

Запел мотор. Сладко запахло бензином. Забурлил винт. Шлюпка мчится к хмурому берегу. Куда ни глянь — скалы, а на них тощий вереск, лишай да мхи. Тишина. Гулко плещется о скалы прибор, оставляя на прибрежной гальке белое кружево пены.

На берегу давно наблюдают за шхуной. Услышав звук приближающегося мотора, забегали. Машут руками, что-то кричат.

Штурман смерил глазами расстояние. Сквозь зубы процедил:

— Пора. Затрещали винчестеры... Затяжал пулемет...

Люди на берегу рассыпались кто куда. А через минуту из ближайшей островерхой хибарки, там где помещается радио, выбежал кто-то в защитном с винтовкой в руке.

Воспользовавшись замешательством, капитан Хэдлей торопится высадиться на северном лежбище. Но трудно подойти из-за проклятого прибора. Может разбить вдребезги. Одно движение руля и дорогую алюминиевую шлюпку сплющит о подводные камни. Никак нельзя пробраться по скользким, обросшим водорослями скалам.

Выскочили двое. Карабкаются, срываются и снова ползут. С трудом вы-

тащили шлюпку между двух камней, прикрыли вереском. Кругом угрюмые скалы, а внизу отвесная круча. Ползут...

У молодого матроса соскользнула нога. Цепко ухватился за выступ. Не удержался... Скользят пальцы по ослизлomu мху... Во рту сухо... На лбу испарина...

Остановился на минуту капитан Хэдлей. Прижался к скале... Замерли остальные. Ждут. Может вынырнет...

— Подождем минуту, кэп, может выплывет, — вырвалось у добряка Сэди. — Жаль парня...

— Кой чорт! Вдребезги, — буркнул капитан.

Когда ободравшие о скалы, еле переводившие дух хищники взобрались на холм, из воды показался первый котик. Взобрался на плоский камень, обросший мягкой зеленью водорослей. Прыгнул на мягкий песок, встряхнулся, фыркнул и вдруг потянул носом воздух. Убедившись, что никого нет, вновь бултыхнулся в воду. Призывно рявкнув, поплыл обратно к берегу, — за ним целый табун. Спустил немного весь берег был покрыт котиками. Большие сердитые секачи, холостяки, матки и маленькие смешные детеныши. Все стадо кувыркалось, хрюкало, било лапами и боролось друг с другом.

Ползком, неслышно, крадутся хищники.

— В рас-сып-ную! — тихо командует капитан.

Гулко стучат кованые тяжелые матросские сапоги. Некуда податься

котикам. Заметались, сбились в кучу. Упираясь лапами, выгибая спины прячутся за выступы камней.

— Заходи к морю, гони наверх!

Отрезали от берега. Затрещали первые выстрелы, заработали дубинки по головам напуганных зверей. Бьют не разбирая возраста. Падают, обливаясь кровью, секачи, холостяки, матки, детеныши. В смертельном страхе за выступ большого камня забился огромный старый секач. В глубоких, почти человеческих глазах — ужас. Рядом — самка. Уперлась лапами в каменистый грунт. Грудью прикрыла детеныша. Зубы оскалила, ревет...

Самми, облокотившись на выкрашенный в ярко-зеленую краску брашпиль, задумался. Вспомнилась история с этим молодчиком из «Вет-Скуэд», пытавшимся его арестовать вместе с другими полуголодными моряками. Самми, которому негры помогли во время драки бежать, оставалось только записаться в союз «Фин-Холлс» и поступить на один из их теплоходов, но Самми скорее подохнет с голоду, чем пойдет к этим негодяям. «Фин-Холлс» — один из реакционнейших союзов Америки. Там капитаны и штурманы с такими, как он, не церемонятся. За малейший проступок выбрасывают на берег. Если кто вздумает протестовать — черный список.

Вот почему Самми обрадовался, когда штурман Сноу предложил ему подписать контракт на плавающую под китайским флагом парусно-моторную шхуну «Голубой песок».

* Окончание. См. «В. св.» № 12.

«Если бы я знал, что все так случится...»

Надо что-то предпринять. Надо по пробовать дать знать во Владивосток...»

Заслышав доносящуюся с берега беспорядочную ружейную и пулеметную пальбу, Самми бросился к радиорубке.

— Галло!.. Спаркс, слышите...

Радист не торопясь передвинул какой-то блестящий рычажок и перешагнул через высокий, обитый медью порог.

— Пойдем, мальчуган. Сообщи мистеру Сноу семафором, — пусть скорей возвращается назад.

— А что?

— Мне удалось перехватить их радио. Красные дали знать своим...

Мчитя к шхуне загруженная доверху котиками моторная шлюпка. Боцман и Самми готовят конец.

Моторка у борта. Матросы по концам — на палубу... Шкиперу спустили штормовой трап. Поднимают шлюпку. Заскрипели тали.

— Вперед! До полного! — орал капитан в машину. — Каждую минуту могут нас тут застукать, а вы, Бэн, копайтесь с вашим мотором. Самый полный! «Красный вымпел» спешно готовится в поход. Это ему не в первый раз.

Когда-то «Красный вымпел» был яхтой генерал-губернатора и назывался «Адмиралом Завойко». Во время переворота белые хотели вместе с другими судами угнать и «Адмирала Завойко», но командир яхты думал по-другому. Он увел яхту в Шанхай. Год с чем-то отстался командир в китайских водах, и только в 1923 году яхте удалось вернуться. С тех пор «Красный вымпел» несет опасную и тяжелую крейсерскую службу.

На ослепительно-белом мостике переливчатым звоном звякнул телеграф. Вздрыгнул стальной корпус. В лохматой пене забурлил винт. «Красный вымпел» развернулся и пошел к выходу.

На крутом берегу «Золотого рога» раскинулся залитый солнцем

Владивосток. У пристани тупорылые «иностранцы» грузят бобы, масло, жмыхи и пахучий розово-желтый лес. На рейде высокие вылезшие из воды «купцы» ожидают груза.

Внизу в кочегарке, обливаясь потом, уже «шуруют» чумазые кочегары.

Пахнет горячим металлом и маслом. Стрелка на диске машинного телеграфа уткнулась в четкую надпись: «Полный ход».

Вот остров Аскольд. Скоро полдень. Штурман возится с секстаном. Не удастся штурману из-за туманов «поймать солнце».

— Каторжная сторона! — ворчит штурман.

На рассвете легкой дымкой рассеялся туман. Справа на носу — остров. Четко вырисовывается высокий ослепительно-снежный пик. На меркаторских картах зовется этот остров «Райсири». Дальше Иезо, а еще дальше хмурый Лаперузов пролив.

Тут рулевым зевать не приходится. Сигнальщики поминутно докладывают:

— Слева на носу судно...

— Право по скуле пароход...

— Прямо по носу кунгас...

Из Японии на Сахалин идут большие грязные угольщики порожнем, а навстречу такие же с углем и лесом. То и дело шмыгают небольшие юркие пароходки мелкого каботажа.

Вот мыс Сойя. Сумрачный, неприветливый мыс. Неподалеку от маяка лежит на-бок большой океанский пароход «Отто Мару». Неделю назад его выбросило штормом на прибрежные камни.

— Сволочной пролив! — ругается штурман. — У этого проклятого течения Куро-Сиво свои приливы и отливы. Никак не учесть их при счислении.

Наякшин схватил штурмана за плечо...

А туман, как молоко... Прошлый рейс из-за тумана от Камчатки до Сахалина ни разу не удалось взять высоту. Из-за этих самых приливов и отливов нас тогда отнесло в сторону миль на сорок. Чего только тогда ни делали! Мерили изменения удельного веса

воды, температуру, — ни черта не пошло!

К счастью у мрачного мыса Анива штурману посчастливилось определиться. Удалось «поймать» в секстан солнце.

Шестой день осторожно, ощупью пробирается в густом тумане «Красный вымпел». Огибает южную оконечность Камчатки — мыс Лопатку.

Немного капитаны дальнего плавания из тех, что поселились в море, рискуют проходить этим проливом. Зорко до боли в глазах всматриваются сигнальщики. У сигнальщиков дейсы. У сигнальщиков острый взгляд.

Наметанное ухо уловило звук мотора. Из тумана вынырнула парусно-моторная шхуна. Круто повернул хищник, хочет удрать.

— На шхуне! Застопорить ход! — крикнул в рупор командир.

— Убирайся к чорту! — донеслось с «Голубого песца».

Капитан Хэдлей, бросившись к штурвалу, рывкнул:

— Право! Право руля! На борт...

Метнулась шхуна, уходит в туман.

На «Красном вымпеле» шуруют в толках кочегары, шуруют на полный ход.

С мостика командир в рупор:

— На шхуне. Стрелять буду...

Повернулся к старпому:

— Прикажете «боевую»!

— Есть.

Командир «Красного вымпела», застопорив ход, наблюдая, как спускают моторный катер, обратил к старпому:

— Возьмите двух человек понадежней, да не забудьте захватить компас и пулемет...

— Есть.

— Консервы и воду взяли?

— Есть.

— А галеты? Пулеметные ленты?

— В порядке!

Командир окинул катер наметанным глазом.

— Отваливай!

Потерялся из виду «Красный вымпел». Не стало слышно свистков. Одинокое среди водной пустыни на мертвой зыби

прыгает катер. В густом, как молоко, тумане теряется дробный звук мотора. Мотор капризничает. Сейчас он работает на двух цилиндрах, перешел на три и вдруг ни с того, ни с сего застопорился.

— Скис, подлюга! — вырвалось у мотовиста Сидорова.

На шхуне капитан Хэдлей, очистив калифорнийский апельсин, засунув половинку его в рот, другую предложил своему помощнику:

— Я всегда говорил, мистер Сноу, что если у меня девяносто девять шансов против одного, то я все-таки рискну. У них испортился мотор — это ясно. Поставьте всю парусину, какая только найдется, ветер попутный, спустимся к югу. Я им покажу, как ходит «Голубой песец»!

Круто болтает катер на пологой волне. Сидоренко, чертыхаясь, возится с мотором.

— Ну, товарищ Сидоренко, как? — стараясь быть спокойным, спросил старпом.

— Ничего, устроим. — Сидоренко с силой крутнул магнето. — Поехали!

Старпом ткнул пальцем туда, где, по его соображениям, должна быть шхуна.

Задул ветерок. Редет туман. Четко видно, как шхуна, расставив фок и грот «бабочкой», пытается удрать при помощи парусов и мотора.

Началась бешеная гонка.

Оглянулся Сидоренко назад. Как-то неуверенно проговорил:

— Так что, товарищ старпом, от крейсера здорово отбились...

Людей, сами знаете, всего пять человек...

Вдруг где-то в стороне завывла сирена.

— Наши! — радостно крикнул моторист.

Катерок хищника догоняет.

— Сидоренко, прибавь! — командовал старпом и, когда поравнялись с «Голубым песцом», крикнул:

— На шхуне! Приказываю лечь в дрейф!

Капитан переглянулся со штурманом:

— Ничего не поделаешь, кэн, надо лечь...

— Бэн, стопорьте мотор, командовал в машину капитан.

Старпом, гигант рулевой Афонин и двое матросов — Наякшин и Пахомов взобрались на палубу шхуны, устанавливают пулемет. На катере остался Сидоренко.

— Кто капитан? — спросил старпом.

Шкипер, не поворачивая головы, буркнул:

— Я, сэр.

— Хорошо. Оружие есть?.. Товарищ Афонин, сними с него маузер... Так... Командир, боцманы и штурманы в кубрик! Оружие снесешь на корму. Дверь закрыть и поставить часового. Товарищ Пахомов, ты станешь у дверей...

Этого после допроса туда же... Товарищ Афонин с пумметом на корму... Наякшин рулевым...

— Ваши документы? — обратился старпом к капитану. — Так. А разрешение?

Шкипер отрицательно мотнул головой.

— Разрешения нет? А какой у вас груз?

Капитан Хэдлей заметил подходящий крейсер. Злые огоньки блеснули из-под лохматых бровей. Буркнул:

— Котики.

— Беринговы острова — заповедник. Надеюсь вам это известно? За хищничество в наших водах...

С «Красного вымпела» голос командира чеканит:

— Принять буксир!

Когда поданный с крейсера буксир заводили в клюз, штурман Сноу шепнул капитану:

— Догадливые, черти.

— А что?

— Проволочный...

— Да-а...

— Ничего, капитан, нет такого положения, из которого нельзя было бы выбраться...

До слуха лежащего на койке Самми долетели обрывки фраз. Придушенным шопотом штурман говорил:

— У повара Си есть пила, кэп. Я берусь перепилить буксир. Раньше, когда не было проволочных, а трос был только пеньковым или манильским, тогда это был пустяк, — острый нож или топор...

Штурман закашлялся, с трудом перевел дыхание.

— Нет, штурман, это никуда не годится, это называется наматывать нитки собаке на хвост. У вас кашель. Закашляетесь, тогда все к черту. Нет, мистер Сноу, придется мне. Возьмите у китайца пилу и сало. Ночью после четырех... Это будет не трудно, красные падают от усталости...

Кто-то, скрипя зубами, забормотал во сне... Самми тихо пробрался к койке шкипера. Буркнул:

— Так и есть, пустая...

Штурман заворочался, сквозь глухой кашель подозрительно спросил:

— Какого чорта ты тут шляешься?

Самми от неожиданности вздрогнул. Боясь себя выдать, непринужденно бросил:

— Душно здесь, пойду на палубу...

— Там часовой. Большевики не церемонятся. Пристрелит, скажет, что ты пытался бежать.

— Ничего, я знаю, он всегда клюет носом...

Осторожно крадется Самми к выходному люку. На баке у кнехтов, там, где закреплен буксир, капитан Хэдлей, сжавшись в комок, пилит проволочный трос. Чтобы пила не визжала, он смазал ее салом. Самми пополз по палубе... Замер на минуту. Туда, к мачте... Там кнопка. Огрубелой от вант, от морской воды рукой стал сигналить. Яркими вспышками замигал на клотике огонек.

— Ка-пи-тан ре-жет бук-сир, по морзе передает Самми.

На крейсере все тихо. На мостике, в углу, вахнач. Сигнальщик не отрываят цейса от глаз. Еще раз внимательно окинул горизонт... Никого. Повернулся лицом к корме... Что это? На шхуне семафорят... а что — не понять...

— Товарищ вахнач, со шхуны сигналят. Видите?

Вахтенный начальник не даром учил английский. Метнулея к сигнальной кнопке. Яркими вспышками замигал огонек.

— Ясно вижу, — прочел Самми желанный ответ.

Заметили... Заслышав шорох, тоскливо подумал: «Эх, скорей бы...» Оглянулся. Еще раз нажал кнопку. И упал лицом на палубу, обливаясь кровью.

Штурман, пнув его ногой, пробормотал:

— Собачья кровь!..

Вдруг сзади мертвой хваткой за шиворот:

— Ах, ты, гад! Эй, Наякшин!.. Кузьма!.. Скорей, а то капитан перепилит буксир... Я его придержу...

К командиру на мостик поднялся старпом, в руках книжка.

— Товарищ командир, это ребята у покойного нашли.

— У кого?

— У того, что семафорил.

У командира чуть заметно дрогнула рука. На красной обложке знакомая надпись:

„Юнг-коммунист-лиг.“

На люке — зашитый в новую парусину труп. Покрыт сверху советским флагом. В ногах колосники. Замерли строгие шеренги моряков. Замерла машина.

Печально поплыли звуки похоронного марша. С мостика короткое:

— Бросай!..

Через три дня шхуну «Голубой песец» сдали в Петропавловске властям.

ДЛЯ УМЕЛЫХ РУК

Изготовление простыми средствами прикроватных предметов, колесные навыки и развлечения

Библиотека физика и астронома

1. Стереоскоп. С 10 рис. и 4 табл. Ц. 45 к.
2. Обман зрения. 62 табл. Ц. 60 к.
3. Воздушный насос. С 16 рис. Ц. 40 к.
4. Как и пользоваться силой воды. С 41 рис. Ц. 45 к.
5. Зеркальный телескоп. С 20 рис. Ц. 45 к.
6. Спиральная. С 16 рис. и 1 табл. Ц. 55 к.
7. Солнечный телеграф. С 23 рис. Ц. 35 к.
8. Который час? С 23 рис. Ц. 40 к.
9. Электрический телеграф. 22 рис. Ц. 35 к.
10. Любительские инструменты. С 16 рис. Ц. 40 к.
11. Экстрематоры. С 41 рис. Ц. 45 к.
12. Опыт Теслы. С 24 рис. Ц. 45 к.
13. Реостаты. 136 стр. текста. С 52 рис. Ц. 1 р.
14. Гальванические элементы. С 22 рис. Ц. 40 к.
15. Трансформатор. С 19 рис. Ц. 45 к.
16. Экспериментальные фокусы. С 16 рис. Ц. 40 к.
17. Водяная турбина. С 20 рис. Ц. 40 к.
18. Опыт с магнитами. С 25 рис. Ц. 40 к.
19. Электрические нагреватели. С 30 рис. Ц. 45 к.

Библиотека фотографа

1. Самодельный фото-аппарат. Ц. 45 к.
2. Лаборатория фотографа-любителя. Ц. 40 к.
3. Этикетки для фото-лаборатории. Ц. 40 к.
4. Фотошпатель. С 30 рис. Ц. 50 к.
5. Рецепт фотографа-любителя. Ц. 55 к.
6. Проявление негативов. Ц. 65 к.
7. Фото съемка живой природы. Ц. 50 к.
8. Небесная фотография. С 21 рис. Ц. 65 к.

Библиография ремесла и производств

1. Полезная рецептура. Ц. 35 к.
2. Изготовление свечей. С 26 рис. Ц. 45 к.
3. Нервостык-любителю. С 14 рис. Ц. 40 к.
4. Спирт-любитель. С 42 рис. Ц. 50 к.
5. Альбом для вышивки. 16 ал. Ц. 1 р.
6. Шаф вальс. С 10 рис. Ц. 40 к.
7. Гончар-любитель. С 23 рис. Ц. 45 к.
8. Наручная гошка. С 32 рис. Ц. 45 к.
9. Веточные работы. С 23 рис. Ц. 40 к.
10. Работы по вязанию. 112 стр. текста. С 65 рис. Ц. 70 к.
11. Альбом рисунков для гладит и строчек. 40 табл. Ц. 1 р.
12. Хитрый дощатик. Ц. 70 к.
13. Сани всех видов. С 37 рис. Ц. 35 к.
14. Водяная турбина. Ц. 40 к.

ИЗУЧАЙ ПРИРОДУ

Задача серии: воспитать дух любознательности и возбудить интерес к деятельному изучению природы

Библиотека краеведа-охотника

1. Определители растений:
  - а) Водяные растения. С 29 рис. Ц. 40 к.
  - б) Мхи и лишайники. 150 стр. текста. С 48 рис. и 1 табл. Ц. 1 р. 50 к.
  - в) Краевой определитель вадлейных круглых грибов. С 38 рис. Ц. 70 к.
2. Террариум. С 20 рис. Ц. 45 к.
3. Спутник краеведа. С 15 рис. Ц. 40 к.
4. Лагерная жизнь. С 40 рис. Ц. 50 к.
5. Значение краеведа. Ц. 10 к.
6. Географические экскурсии. С 13 рис. Ц. 40 к.
7. Собирание гербария. С 22 рис. Ц. 35 к.
8. Лаборатория естественника. С 33 рис. Ц. 50 к.
9. Охотничьи птицы. С 42 рис. Ц. 1 р. 20 к.
10. Четыре сезона дубовой охоты. Ц. 1 р. 60 к.
11. Энциклопедия, словарь естество. Ц. 60 к.
12. Следы промыслов птиц и зверей. С 122 рис. Ц. 70 к.
13. Наблюдения перелетных птиц. С 30 рис. Ц. 40 к.
14. Водоемные экскурсии. С 19 рис. Ц. 45 к.
15. Зимние развлечения. С 39 рис. Ц. 45 к.

Библиотека радилюбителя

1. Наличие радио-батарей. С 10 рис. Ц. 35 к.
2. Радио и его чудеса. С 61 рис. Ц. 30 к.
3. Радиодетали для тех. опытов. 24 рис. Ц. 35 к.
4. Трансформаторы. С 19 рис. Ц. 45 к.
5. Гальванические элементы. 22 рис. Ц. 40 к.
- с. различные схемы по радиоприемнику:
  - 1) Приемник с лампы Шапо и кола.
  - 2) Вспомогательная лампа, кенотронный.
  - 3) Духи много ламповый усилитель.
  - 4) Ододолгов и при приемнике Рейнарда.
  - 5) Ододолгов на усилителе.
  - 6) Кротковели, приемник Кубаркина.
  - 7) Духамовый приемник "Иодит".
  - 8) Детекторный приемник системы Гольфтера.
  - 9) Детекторный приемник системы Лоткина.
  - 10) Радиотелеграфный передатчик.
  - 11) Громкоговоритель системы Лоткина.
  - 12) Механический приемник.
  - 13) Электронный приемник.
  - 14-15) Супергетеродина 5 ламповый. Ц. 40 к.

ЦЕНА каждой схемы—20 к. с пересылкой—24 к.

рисунков и чертежей предметов мебели и схем столярных конструкций.

С ПЯТЬЮ ИТЕЛЬНЫМ ТЕКСТОМ: (Принципы конструирования и оформления современной рациональной мебели).

ЦЕНА: с таблицами, исполненными

на карточной бумаге — 12 р. 70 к.

на масляной бумаге — 10 р. 70 к.

С ПЕРЕСЫЛКОЙ

Продается на складе ИЗДАТЕЛЬСТВА, а также высылаются наложенным платежом по получении задатка или стоимости.

НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ ПО МАТЕМАТИКЕ, АСТРОНОМИИ И ФИЗИКЕ

- Акад. Белопольский А. А. Астроэлектроскопия. С 60 рис. Ц. 1 р. 20 к.
- Проф. Тихон Г. А. Астротометрия. Ц. 80 к.
- Днепровский Н. И. Время и его измерения. С 25 рис. Ц. 50 к.
- Идельсон Н. И. История календаря. С 9 рис. Ц. 1 р.
- Нерсисьян Я. К. Межпланетные путешествия. С 20 рис. Ц. 90 к.
- Проф. Васильев А. Е. Целое число. С 24 портр. Ц. 70 к.
- Акад. Марков А. А. Теория вероятностей. Ц. 3 р.
- Акад. Уленский И. В. Очерки истории математики. Ц. 75 к.
- Проф. Богомолов С. А. Основания геометрии. Ц. 2 р. 50 к.
- Проф. Г. Ковалевский. Математические игры. С 24 рис. Ц. 50 к.

- Проф. Косер А. Атмосферное электричество. С 35 рис. Ц. 1 р.
- Проф. Майзель С. О. Цвета и краски. С 8 рис. Ц. 40 к.
- Проф. Вейнберг Б. И. Уголь черный, белый, красный. (История изобретения на земле). Ц. 60 к.
- Проф. Жозельсон О. Д. Строение атома и рентгеновские лучи. Ц. 60 к.
- Днепровский Н. Время, его измерения и передача. С 25 рис. Ц. 50 к.
- Проф. Шокальский. Полевое время. С картой. Ц. 25 к.
- Нерст В. Мироздание в свете современной науки. Ц. 30 к.
- Шенли и Куртис. Размеры вселенной. Ц. 50 к.
- Проф. М. Цахарнас. Введение в проективную геометрию. Ц. 40 к.

ОТДЕЛОМ ТЕХНИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ВЫПУЩЕНЫ В ПРОДАЖУ:

I. ЭЛЕКТРОМОТОР на 4-6 вольт

Действующая модель, применяемая как двигатель к малому паровому, электрическому, пневматическому и проч., и для проведения различных опытов с целью ознакомления с устройством двигателя. Дает 3.000 оборотов в минуту.

Модель в коробке — 6 р. 50 к.

Модель в наборе отдельных деталей для самостоятельного сборки любителями, с подробным руководством. В коробке — 5 руб. 50 коп.

II. ЦЕНТРОБЕЖНАЯ МАШИНА РУЧНАЯ

Дает до 35 оборотов в секунду. Простой прибор для демонстрации всевозможных опытов по механике кругового движения и оптике. Инерция, центробежная сила, стробоскопическое явление, тела вращения, смещение цветов. С комплектом цветных кружков для опытов по оптике. С наставлением к пользованию прибором. В коробке. Цена 3 руб.

III. ПРОПЕЛЛЕР диор-алюминиевый

размер 200x13 мм, вес 11 гр.

С осью и жесткими подшипниками для крепления на рейке.

Прилагается комплект литейной или резной резины для резино-мотора. В наборе.

Для установки на готовой модели аэроплана (зубной), глиссера, геликоптера, аэро-самолета, для небольшого вентилятора и проч.

Цена 2 руб.

Пересылка и упаковка в зависимости от расстояния до 1 руб. При заказе необходим задаток около 1/3 стоимости. Суммы до 2 рублей можно высчитать марками.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: ЛЕНИНГРАД, 11. ВНУТРИ ГОСТИНОГО ДВОРА, 118/2.

Кооперативное Т-во „НАУЧНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

что союзом о-в Красного креста и Красного полумесяца СССР проводится

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ЛОТЕРЕЯ

на сумму 10.000.000 руб. в 8 разрядах.

Тиражи всех 8 разрядов будут произведены в IV квартале 1931 года в городах: Ленинград, Минск, Свердловск, Ростов н-Д, Москва, Хар.ков, Ташкент, Баку.

что в лотерею разыгрывается большое количество ценных предметов на общую сумму 1.500.000 р. В СПИСКЕ ВЫГРЫШЕЙ:

8 квартирных паев
8 автомобилей
20 мотоциклов, ляминг, ролей
100 велосипедов
600 мест в санатории и дома отдыха
1000 швейных машин
28.100 предметов широкого потребления
30.000 предметов санитарии и гигиены
Библиотеки, сочинения ЛЕНИНА
Грамофоны, радиоприемники, пламени, лошади, коровы, гармонки, гитары, охотнич. ружья и т. д.

ВСЕГО 115.000 ВЫГРЫШЕЙ

что весь доход от Всесоюзной Лотереи союза о-в Красного креста и Красного полумесяца пойдет на приобретение и оборудование сан-поездов, сан-автомобилей, сан-аэропланов, сан-пароходов, больниц, амбулаторий, школ, бань и других medico-санитарных и технических сооружений

и что 100-процентная реализация лотбилетов будет наилучшим способом всем кредитным интервентам

ПОЭТОМУ ПОКУПАЙ И РАСПРОСТРАНЯЙ БИЛЕТЫ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ ЛОТЕРЕИ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА

Продажа билетов во всех организациях о-в Красного креста и Красного полумесяца, в учреждениях Наркомздрава, Военсанупра, Гострудсберкассах и др.

ЦЕНА БИЛЕТА 50 КОП.

Ахун М. И. и Петров В. А. — „Петербург в 1905—1907 гг.“ С библиографическим указателем главнейшей литературы и указателями: предметным, топографическим и именовым. Изд. 1930 г., стр. 198, ц. 80 к.

Гофман Макс, генерал — „Записки и дневники 1904—8 гг.“ Перев. с нем. Изд. 1929 г., стр. 263, ц. 1 р. 50 к.

Зарин А. — „Побеги революционеров“. Изд. 1928 г., стр. 123, ц. 40 к.

Семенников В. — „Романовы и германские влияния в 1914—17 гг.“ Изд. 1929 г., ц. 1 р. 50 к.

Уралов С. Г. — „Моисей Урицкий“. С 3 портретами и фотоснимками места убийства и похорон тов. Урицкого. Изд. 1929 г., стр. 137, ц. 85 к.

Книжки высылаются налож. платежом магаз. „ДЕШЕВАЯ КНИГА“, Ленинград, 14, Пр. Володарского, 51

БИБЛИОТЕКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА.

НОВЫЕ КНИЖКИ:

СВЯН и КОЗЫРЕВ — Город энтузиастов. Уголовный роман о городе Будущего. Стр. 195. Ц. 1 р. 60 к.
НАРФЕНОВ П. — Борьба за Дальний Восток. Роман-хроника о партизанах, стр. 320, ц. 3 р.
ПЕТРОВ-ГРУМАНТ Ш. — Гранитный пораб. Морю. Прикл. рассказы. Стр. 190, ц. 1 р. 80 к.
ОРЕШНИК Л. — Злая шельма. Роман. Стр. 240, ц. 2 р. 30 к.
СМИРНОВ И. — Толстый сток. Охотничья рассказы. Стр. 250, ц. 2 р.
ФИБИХ Д. — Двое в лесу. Рассказы. Стр. 220, ц. 1 р. 80 к.
КУДАШЕВ В. — Кому светит солнце. Рассказы. Стр. 262, ц. 1 р. 70 к.
РЫБИН ТРОИМ. — Альманах. Полезные и дурные сведения для рыбака-любителя.
СЛАВРОВ И. — Стук на отроге. Рассказы. Стр. 150, ц. 1 р. 20 к.
НИКИТИН И. — Где чаи а. Роман. Стр. 320, ц. 2 р. 30 к.

ЗАВАДОВСКИЙ Д. — Ташкини. Повест. Стр. 293, ц. 2 р. 20 к.
ШОЛОХОВ И. — Лазорная степь. Денские рассказы. Стр. 280, ц. 2 р. 20 к.
НИЗОВОЙ и МЕФЕДОВ. — По издан черноморья. Стр. 140, ц. 1 р.
НИЗОВОЙ И. — По изломанным путях. Приключен. на Севере. Стр. 250, ц. 2 р. 20 к.
НАРФЕНОВ П. — Грандиозная война в Сибири. Стр. 250, ц. 2 р. 20 к.
КРЕТЮНОВ Д. — Владимир братья пролетариата. Стр. 300, ц. 2 р.
ДРУЖИНИН Л. — Золотой лес. Песни, песни и стихи о деревне. Стр. 160, ц. 1 р. 60 к.
ЛУШКОВ В. — Весна трех. Быт, Ромы из лесов. жизни. Стр. 180, ц. 1 р. 80 к.
ШЛЯКОВ С. — В байгуле над. Партизанский быт. Стр. 240, ц. 1 р. 60 к.
НИЛАНДРОЗ И. — Широкое море. Красная рыба. Прикл. рыбаки в море. Стр. 280, ц. 2 р. 60 к.

Высылаются по первому требованию наложенным платежом. Заказывайте у Московскому Товариществу Издателей. Москва, Центр. Ветомный ряд, 11-Б. Каталог изданий за 10-ю коп. марки.

ЧИТАЙ РЕЗЕЦ

ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЦЕНА 10 КОП.